

Рубин

Тема великой победы

Завтра исполняется десять лет со дня начала Великой Отечественной войны. В эту годовщину немаловажно думать о военных годах, об испытаниях, из которых вышло в победное советское государство, о произведенных, оразивших героические бои и трудовые подвиги нашего народа.

Книги, посвященные Великой Отечественной войне, вошли в золотой фонд нашей советской литературы. Внимание к теме жизни этих лет — не кратковременно. Выходят новые книги, посвященные борьбе советских воинов, самоотверженному труду рабочих и колхозников в дни войны, — и мы видим, как широк и неисчерпаем мир героики военных лет.

Правда, есть люди, которым кажется, что тема Отечественной войны — это уже не современная тема и что имеют она, главным образом, историческое значение. Такие суждения глубоко ошибочны. Нет, не скоро придет пора объявлять второстепенной и третьестепенной тематику военных лет! Великий подвиг советского народа — неисчерпаемый источник для творчества художника. В книгах о войне власти говорят современность, мы слышим в них голоса нынешнего дня. Эти книги и сегодня играют огромную действенную роль, будучи могучим средством воспитания советских людей, особенно молодежи, в духе животворного советского патриотизма. Слишком много пережитого народом, профугованного миллионами людей запечатлено в этих книгах, чтобы можно было записать их по участку «исторической темы».

По окончании гражданской войны в течение двух десятилетий тема справедливой, освободительной войны народа стала советской литературой. Годы гражданской войны для наших литераторов были неисчерпаемым источником героических идей и образов.

Авторы «Чашева», «Разгрома», «Железного потока» брались за перо не для того, чтобы языком военного историка описать боевые операции, а для того, чтобы запечатлеть опыт человеческого духа, показать людей, мужавших от боя к бою, становившихся все сильнее, организованнее, сознательнее под организующим воздействием партии и советского государства.

Пафос литературы о гражданской войне — это пафос героики миллионов масс, впервые ставших хозяевами своего государства, своей судьбы и отстоявших от порабощителей счастье и свободу.

И все же — три всем величия эпохи гражданской войны — неизмеримо сложнее и шире задачи советской литературы в покаяе героизма народа в годы Великой Отечественной войны.

Колоссальные социально-экономические преобразования изменили облик страны и самого народа. На битву с врагом поднялись миллионы масс, четверть века росшие и воспитывавшиеся под солнцем социализма. Зредесть народа, его великая сознательность, его неопишимо укрепившееся чувство связи с обществом, государством, преодоление изданных от старости стремлений — эти качества созвоняны миллионов людей были великим фактором победы.

Народная, справедливая война должна была быть показана во всем ее своеобразии так, чтобы был отчетливо раскрыт самый характер войны, которую товарищ Сталин уже 3 июля 1941 года определил как войну необычную, раскрыто ее отличие от войн старого типа, несправедливых войн, ведущихся эксплуататорскими классами.

войны, давая широкую, содержательную, правдивую картину войны, борьбы народа за свое счастье и свободу. Книжки наших писателей о войне — это коллективно написанные исторические документы, борющиеся с врагом, история их роста, совершенствования их мастерства, их боевой закалки, духовного возмужания, роста организованности и инициативы.

Один из очерков Василия Гроссмана о Сталинграде назывался «Направление главного удара». Это был сдержанный, строгий, но поэтический рассказ о том, как на направлении главного удара фашистских войск насмерть стояли и не дали пройти врагу сибирские части полковника Гуртьева. В очерке было рассказано, как героизм в обороне Сталинграда стал бытом, стилем жизни и ее людей, будничной, каждодневной привычкой, как этот героизм принес победу над врагом.

Очерк посвящен еще обороне. А скажем, в романе О. Гончара «Знаменосцы» речь идет уже о направлении главного удара советских наступающих войск.

В романе Э. Казакевича «Весна на Озере» рассказывается, как неудержимые удары советских войск сбрасывают немцев за Охер, как сурово сопротивляются фашистские негодяи, как напрягают свои последние силы, пытаются задержать наши части на пути к Берлину. Характерная черта: если книги первых лет войны рассказывали, как наши командиры и политработники разбивали вражескую пропаганду о непобедимости немцев, то в романе Казакевича полковник Паунович уже говорит майору Лубенцову: «Расскажи партизанам о противнике. Полезно рассеять убеждение солдат в его слабости. Пусть они знают о дивизиях, брошенных Гитлером с Западного фронта сюда, и об обороне немцев». На последнем этапе войны недооценка сил упорно сопротивлявшегося противника, валежавшего, что ему удастся достигнуть соглашения с американцами и англичанами, вела к напрасным жертвам, и с этим надо было бороться.

Уже в этом наглядном сопоставлении двух этапов войны отчетливо выражено неизмеримо возросшее могущество Советской Армии. Товарищ Сталин говорил о поддержке тыла, высоком моральном духе войск, высоком качестве командного состава, правильной стратегии Советской Армии, гибкой тактике командиров-исполнителей и других факторах нашей победы.

Война с германским фашизмом и японскими империалистами была экзаменом, показавшим все историческое превосходство советского социалистического общества, всю непобедимую силу нашего государства, могущество нашей армии, неотъемлемую от народа.

Произведения А. Фадеева, А. Твардовского, И. Эренбурга, О. Гончара, В. Некрасова, М. Бубеннова, Б. Лавренева, А. Корнейчука, В. Горбатова — мы берем для примера самые различные имена — рождает гордость за советского человека и уверенность, что этот человек способен выйти победителем из любых испытаний!

В романе Г. Березко «Мирный город», трилогия А. Караваева и многих других произведениях показано, что войну с врагом вел весь советский народ, что каждый советский человек, где бы он ни находился, считал себя солдатом Сталина.

В советской литературе выражена та громадная сердечная любовь народа, которую окружена армия нашей страны. В странах капитализма, где армия является орудием выполнения агрессивных чревовещенных планов, нет в ней может быть такого отношения — там армия чужда народу, исполняет волю людей, интересы которых противоположны интересам народа. В глазах же советского народа армия его — защитница мира и счастья простых людей.

Ныне, через десять лет после дня начала Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков, вновь поднимают голову хищники империализма и реакции, черные силы поджигателей войны. Безумцы, терпящие голову от сознания нависающей габели гниющего капитализма, они забывают о поучительном конце гитлеризма и готовятся повторить опыт германских завоевателей мира. Но весь исторический опыт учит, что силы мира и прогресса непобедимы; книги писателей, посвященные теме нашей великой победы, возмущают историческим оптимизмом, верой в величие и непобедимость простых людей.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 73 (2791) Четверг, 21 июня 1951 г. Цена 40 коп.

А. ТВАРДОВСКИЙ ЗА ДАЛЬЮ—ДАЛЬ

Пора! Ударил отравленный Вокзал, огнями залитой. И жизнь, что прожита с рождения, Уже как будто за чертой.

Я видел, может быть, полсвета И вслед за веком жить спешил, А вот одной дорожки этой, За столько лет не совершил.

Хотя своей считал доверши. И про себя же берез, Как книгу, что прочтешь до срока Не собрался и не мог.

Мешало многое другое, Что нынче в памяти у всех, Мне нужен был запас покоя, Чтоб ей отдаться без помех.

Но книги первую страну Я открывал в срок такой, Когда покой, как говорится, Опять уходит на покой.

Я еду. Малый дом со мною, Что каждый в путь с собой берет. А мир огромный за стеною, Как за бортом вода ревет.

Он над моей пост постелью И по стеклу счет крупный, Дурной безвременной метелью, Свистит и вост вранозобой.

Я еду. Спать бы на здоровье. Но мне покамест не до сна: Еде огнями Подмосковья Снаружи ночь озарена.

Еще мне в радость новоселье С дорожным светом и теплом. И этот дым турки весенней, Бегущий мимо за стеклом.

Еще знакомые поселки, Платформы, будки, арки, елки Мне без себя покинуть жаль. Еще мне хватит этой полки, Еще такая даль до Волги, А там еще другая даль.

За той великой водной гранью, И та дестинация из шпал, Пройдя Заволжье, Препудалье, Взойдет отлого на Урал.

Урал, чья выработка сталью Звенит под нами магистраль. А за Уралом — Завралье. А там — своя, иная даль.

Иная даль, иная зона, И не гранит под полотном — Степная мякоть черепозема И степь в полсвета за окном.

А там — Байкал, за тою далью, И в сутки обогнуть едва ли. А за Байкалом — Забайкалье, А там еще другая даль.

Что обернется далью новой, А та, неведомая мне, Еще с иной, большой, суровой Сомнеется и пройдет в окне.

А между тем, отменно точный, Всего пути исполнив срок, Придет состав дальневосточный На Дальний, собственно, Восток.

Где перед станцией последней, У пограничного столба, Сдается мне, с земли соседней Уже доносится шальба...

Но я еще с Москвою вместе, Еще во времена одним. И точно дома перед сном, Ее последних жду известий.

На Спасской башне полночь бьет. Отраден сон под мирным кровом. А там — из-за моря восход Встает, как зарево, багровый.

И день войны — нешадный день Вступает в горы и долины, Где городов и деревень Не стынут год уже руины.

И дитя вновь бессонный труд Страда защитников Корея. С утра усталые режут Береговые батареи.

Близка, видна из дымной мглы Броня бортов и башен серых. — Огонь, огонь! — Ревут стволы От моря берег.

Под небом огненным примет, В горах скитаясь, ищет семья. — Огонь, огонь! — Зенитки бьют, Чтоб заштитить от неба землю.

Разор и плен в родном краю, И смерть несут враги народу. — Огонь, огонь! — Народ в бою, Чтоб заштитить от них свободу.

Над каждой пядью всей земли Их туча солнце бы затмила. Они затем сюда пришли, Чтоб «защитить» войну от мира.

Чтоб утвердить закон войны, Ее знаменья сделать былью. И шедро в дело введены Войска, эскадры, эскадрильи.

Идут бой, гор, гора, земля. Не нов, не жевосткий опыт. Он в эти горы и поля Перенесен от стен Европы.

И так и сляк радятся вы. Не обидится мир едва ли: Мы вас встречали у Москвы И до Берлина провозжали.

Как нам ни памятна война, Но в дни гроз, борьбы, страданья Мы знали, чья была вина, Мы называли имена, Кого постигнет наказание.

Народ — подвижник и герой Оружье ал оружием встретил. За грех войны карал войной, За смерть печально смерти метал.

В борьбе исполнен гордым сын, Он в годы тяжелых испытаний Восток и Запад пробудил И вот полмира в нашем стане!

Что ж, или тот урок забыть И вновь, под новым только флагом, Живой земле война грозит, Идет на мир знакомым шагом?

И, чуждый жизни, этот шаг, Врываюсь в речь ночных известий, У человечества в ушах Стоит, как явь и как предвещье.

Дорога дальняя моя, Окрестный мир земля обширной, Родные русские поля, В ночь мерцающие мирно.

Не вам ли памятен гола, Когда по этой магистраль Во тьме отсюда и туда Составы без огня бежали?

Когда тянулись в глубь странам По этой насыпи и рельсам Заводы — беженцы страны И с ними люди-погорельцы.

Когда, стволы зениток вывес Подняв над кулиней зеленой, Безостановочно неслись, Туда, на Запад, эшелоны.

И только, может, мелком взгляд Тоски немой и бесконечной Из роты маршевой солдат Кидал на санитарный встречный.

Та память вынесенных мук Живет, притихшая, в народе, Как рана, что нет-нет — и вдруг Заговорит в дурной погоде.

...Еще съездов сон под стук колес Расслышал я на верхней полке, Кидал на санитарный встречный.

Встаю — вагон с рассвета в сборе, Теснится у каждого окна, Уже толпится в коридоре, Уже вблизи была она.

И дрожит минуты неособой Нашла на всех нас собой, Как перед аркой пограничной Или в первый раз перед Москвой.

И мы стоим с соседом в паре, Приняв к стеклу плечо в плечо, С кем ночь в купе одном проспал И не знакомился еще.

И долю лучшую друг другу Мы уступаем у окна. И вот мою он тронул руку И словно выдохнул: — Она!

— Она! — И тихо засмеялся, Как будто Волгу он, сосед, Мне обещал, а сам боялся, Что вдруг ее на месте нет.

— Она! — И справа недалеко, Моста не видя впереди, Мы видим плес ее широкий В разрытые поля на пути.

Казалось, поед этот с ходу — Уже спасенья не проси — Валетик, внизу оставив воду, Убрав колеса, как шасси.

Но нет, смиренно ход убавив У будки крохотной поста, Втянулся он, как подбает, В тоннель речетчатый моста.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

1 стр. Передова. Тема великой победы. А. Твардовский. За далью — даль. Симона Тери. Репортаж из Франции.

2 стр. Л. Богданович. «Барчук». Г. Эмин. У родника. Б. Днялов. Хочется жить тысячу лет. В. Коротева. Роман о подвиге народа.

3 стр. В. Беляев. Театральный Львов. М. Рыльский. Взыскательность поэта. К. Чуковский. Литературная зрелость. Р. Братунь. Ярослав Галаун.

4 стр. Ж. Катала. Де Голль — оруженосец Уолл-стрита. И. Хайдукуна. На венгеро-югославской границе. Народы требуют Пакта Мира.

И затрепет над волжским плесом. Показав сотню звонких шпал, Поспешно легших под колеса, Все до одной не перебрал.

И не успев взглянуть толком, А вот уже ушла из глаз И позади остался Волга. И — позади.

Но долго-долго В пути не отпустила нас. Не уступала добровольно Раздумий наших в речей Ницый иной красе окрестной И даже памяти ницый.

Ни этой дали, этой ширин. Что тонкий край за ней простер. Ни дерзкой славе рек Сибири, Коль их касался разговор.

Ни заграничьем отдаленным, Ни ранней вынесенной весте, Ни городам, вчера рожденным, Как будто взятым на войне.

Ни новым замыслам ученым, Ни самым, может быть, твоим Восхищаемым береженим — Местам, делам и дням иным.

А что еще в ней видеть было: Как астар, из дальней стороны Она текла, не торопилась Широкой медленной волной.

Симона ТЕРИ Репортаж из Франции

4. в день выборов

После 17 июня Вашингтон в трауре. Трумэну пришлось приспустить свой флаг... «Вашингтон занят выборами во Франции», — сообщила накануне, 17 июня, нью-йоркский корреспондент промарианского журнала «Пари-матч».

В случае успеха коммунистической партии на выборах, если красные получат хотя бы то же количество голосов, что и в 1946 году, американское правительство не сможет более отстаивать даже перед нынешним конгрессом политику Атлантического пакта.

Успех коммунистов, писал ранее корреспондент, «доказывал бы, что опора европейской обороны (т. е. политика превращения Западной Европы в плацдарм для американской агрессии... С. Т.) пологочева... Шкала такова: свыше пяти миллионов голосов, поданных за коммунистов, — полный крах; между пятью и четырьмя миллионами — скромный успех, ниже трех миллионов — триумф».

Партия коммунистов, партия Мориса Тореза завоевала пять миллионов голосов! Коммунисты твердо сохраняют положение первой партии Франции, оказавшей решающее влияние на нацию. Вопреки жульническому избирательному закону, вопреки чудовищному нажиму американских пропаганды, компартия не только удержала свою позицию в среде рабочего класса, но и собрала наибольшее количество голосов на выборах! Да, это действительно политический крах политики войны и громадный успех дела мира.

болу и за мир — еще более ожесточенной. Ясно, что в эту борьбу будут вовлечены все более широкие массы честных людей, даже из числа тех, которые на этих выборах не голосовали за коммунистов; ясно, что правительство, созданное по американской указке, ждет горькие разочарования.

Утром 17 июня я побывала на избирательных участках в четвертом секторе Парижского округа, где баллотировался наш дорогой Морис Торез. Никогда еще не было такого энтузиазма во время выборов! Задолго до восьми часов в ожидании начала голосования из избирательных участков выстроились длинные очереди. Некоторые люди в течение предыдущих трех недель спали очень мало. Это видно по их осунувшимся лицам, по запавшим глазам. Но на устах людей — победная улыбка.

«Мы отстояли стены!» — с гордостью говорит один из расклеивщиков плакатов, так, как солдаты говорят: «Форт удержан!»

«А то что же, — добавляет другой, — неуверю можно допустить, чтобы в секторе Мориса Тореза последнее слово осталось за полицией!»

В ночь перед выборами полиция особенно распоясалась в четвертом секторе. Молодчики Тома сделали не один, а два обхода, чтобы сорвать плакаты Республиканского и антифашистского союза сопротивления. Они даже прибежали в такую трубу; замазали плакаты сторонников мира смесью отработанного масла и гуарона...

поскорее убрать отсюда этот мусор, что я просто не могу ждать до завтра!»

Я видела длинные очереди домашних кошек с сумками для продуктов, стариков, бредущих на дрожжах ногах, — несчастных стариков, которых правительство оставляет умирать от голода, матерей с младенцами на руках.

«Ты спрашиваешь, голосуют ли?» — говорит мне Людо, стечке владетельней в Витри. — Сотни людей приходят каждый час. Дела идут хорошо».

Ровно в 8 часов, к моменту начала выборов, на улицу Нобле приходит жена Мориса Тореза Жаннетта Бермерш, член бюро Союза французских женщин. Она решила голосовать в этом округе. Как и большинство наших кандидатов, она, выходя на предвыборных собраниях, совсем потеряла голос за эти дни. «Ну, теперь это не так важно, можно остаться и безголосой! Теперь остается полать только вот этот голос», — говорит она, смеясь, и показывая на бюллетень, опускает его в урну.

В Шуззи на избирательный участок по улице Огюста Бланья является наш старший Марсель Капен, в своей серой шляпе, опираясь на трость. Он в самом хорошем настроении и весело улыбается в усы. Все приветствуют его, с почтением задают вопросы. «Никогда раньше, ни в какую другую избирательную кампанию», — говорит Капен, — я не видел такого огромного энтузиазма. Даже в зале Плейель, в двух шагах от Елисейских полей, я видел — первый раз в жизни! — как люди платили деньги, чтобы попасть на избирательное собрание. Ты слышишь? — проляли тысячу сто мест по 150 и 200 франков. Плату за билеты взимали потому, что в конце собрания показывали советский фильм. Зал был набит битком. Да кроме того, было распродано на 17.000 франков брошюр. Да 80.000 франков собрали у выхода...»

чекский муниципалитет проводит сейчас широкие мероприятия по организации летнего отдыха для детей.

Перед зданием собралась огромная толпа избирателей, стремящихся проголосовать в помещении мэрии. Нам Морис Торез был избран с триумфом. Одновременно были избраны стоящие с ним в одном списке кандидаты: генерал Жуанвиль, Мари Клод Вайн-Кутюрье и Роже Дине, рабочий-металлист.

Полнейшие провокации продолжались до последней минуты. Шпины арестовали одиннадцать избирателей, мирно прогуливавшихся по улице в пять часов утра. Правда, во время прогулки они наблюдали за тем, чтобы никто не срывал наши плакаты. Это и не поправилось овершершим полнейшими. Наши товарищи добились освобождения семи арестованных, затем было отпущено еще трое. Но одиннадцатого полиция ни за что не выпустила и даже конфисковала у него автомобиль (он — шофер такси).

Я сопровождал генерала Жуанвиля, который направляется в полицейский участок, чтобы навестить справки. Двор участка битком набит полицейскими с велосипедами. Дегольцевыми разит за километр.

Славного руководителя партизанского движения встречают враждебно. Однако полицейский комиссар не может не принять его. — Почему вы арестовали этого избирателя? — Это мое дело. Подробности вы узнаете после допроса. — А почему бы нам не арестовать сотню избирателей, чтобы помешать им голосовать? Вместо ответа полицейский комиссар, узнавший, что я журналистка, кричит, багрово от ярости: «Мадам, выйдите отсюда!»

В Совете Министров СССР Об увековечении памяти писателя П. А. Павленко

Совет Министров Союза ССР постановил: 1. Установить памятник на могиле писателя Павленко Петра Андреевича. 2. Поручить Государственному издательству художественной литературы издать в 1952—1953 гг. собрание сочинений П. А. Павленко. 3. Выдать семье П. А. Павленко единовременное пособие в размере 25 тыс. рублей (жене Трениевой Наталии Константиновне 20 тыс. рублей, родственнице Корольковой Елене Сергеевне 5 тыс. руб.). 4. Назначить жене П. А. Павленко — Трениевой Наталии Константиновне с 1-го июля 1951 г. персональную пенсионную пенсию в размере 750 рублей в месяц. 5. Назначить родственнице П. А. Павленко — Корольковой Елене Сергеевне с 1-го июля 1951 г. персональную пенсионную пенсию в размере 500 рублей в месяц. 6. Назначить персональные пенсии жене П. А. Павленко — Алексее Петровна Павленко, 1936 г. рождения, и Андрею Петровичу Павленко, 1939 г. рождения, в размере 500 рублей в месяц каждому до окончания высшего образования. 7. Похороны П. А. Павленко принять за счет государства.

1-го июля 1951 г. персональную пенсионную пенсию в размере 750 рублей в месяц. 5. Назначить родственнице П. А. Павленко — Корольковой Елене Сергеевне с 1-го июля 1951 г. персональную пенсионную пенсию в размере 500 рублей в месяц. 6. Назначить персональные пенсии жене П. А. Павленко — Алексее Петровна Павленко, 1936 г. рождения, и Андрею Петровичу Павленко, 1939 г. рождения, в размере 500 рублей в месяц каждому до окончания высшего образования. 7. Похороны П. А. Павленко принять за счет государства.

ПАРИЖ, 20 июня. (По телеграфу)

«БАРЧУКИ»

Из записок
врача

Что побуждает меня, врача, выступить в «Литературной газете»? Те нередкие в моей практике случаи, которые носят отнюдь не медицинский, а скорее общесоциальный характер и невольно требуют размышлений и выводов.

...В моем кабинете немолодая, модно одетая женщина со своей дочерью. Она говорит сквозь слезы:

— Доктор! Ирочка очень нервная... Плохо учится... Исключили из юрфака... Ведет себя как-то непонятно... Недавно заступила в меня чашкой. А чего ей нехватает?

— Как ты дошла до такого положения?

Она зашлакала и ответила:

— Я стала нервной... и потому бросаю... А почему мать довелась до этого? Она никогда прежде меня не останавливала... а теперь я вечно не могу...

Рыдая, она рассказала мне историю своей жизни — историю никем, по существу, не воспитываемого, не управляемого ребенка, постепенно отшедшего от родителей и коллектива.

Отец Иры — заслуженный человек. Но он редко видит дочь и, «компенсируя» свое невнимание, оставляет ей вольнолюбно больше денег на развлечения. Девочка ни в чем не отказывается... Давала полный простор развитию ее самолюбия, необузданным влечениям.

Ира слишком рано проявила интерес к туалету. У нее, — как пояснила мне мать, — был «тонкий природный вкус» к парфюмам. Но мать не замечала одного очень важного обстоятельства: у ее дочери полностью отсутствовал вкус к труду. Ирочка постоянно требовала «особо» накрамеленные платья, выглаженные ленты, но ни стирать, ни гладить свои наряды она не желала. А родители и в голову не приходило заставить Иру что-либо для себя делать, «обслуживать» себя. Все делалось руками любящей матери, «лашь бы Ирочка не нервничала».

У Иры возникла пень конфликтов с учителями и сверстниками. Ее начал тяготить школьный режим, требующий постоянной работы над собой. Она стала получать «злойки». Мать обвиняла школу, учителей: «плохо воспитывают», «слабо учат». Наконец она убеждалась, что Ирочка перестала посещать школу.

Однажды мать не пустила ее на вечеринку. С Ирой «сделалась нервная припадок», и она бросила в мать чашку. Что же, как не «нервность», заставит Ирочку так жестоко поступать с такими «добрими» родителями?

При всем старании нервной болезнью я не нашла. Ира была здорова с медицинской точки зрения, но испорченная воспитанием девушка. У нее не хватало тех моральных качеств, без которых не может жить в нашем обществе ни один человек. У нее не была воспитана охота к труду.

Я высказала свои соображения матери. Она осталась недолюбовна. Согласно ее «принципам воспитания», врач должен был пригласить Ирочку, назначить ей бром, ванны, еще какое-нибудь таинственное средство, которое бы исправило ее.

ное средство, которое бы исправило ее. И именно отсюда идет это отнюдь не альтруистическое стремление выпустить из сына так называемого «вулдеркина».

Социалистическому обществу «барчуки» не нужны. Больше того: они могут быть вредны. Вредны потому, что из такого «барчука» постепенно вырабатывается мелкий себялюб, эгоист и бездельник, существующий лишенным чувства личной ответственности перед обществом и пасующий перед малейшими трудностями. Ребенок, воспитанный в условиях безогорочного выполнения его желаний, вырастает в диктатора, считающего себя «крупной землей». Он не только противопоставляет себя коллективу, но и отвергает мнение и решение коллектива, как только его личное желание отказывается удовлетворять.

Воспитание, в результате которого вырастает «барчук», тяжело сказывается впоследствии, когда он теснее соприкасается с обществом, с коллективом, когда становится взрослым.

В романе «Молодая Гвардия» проанализирован жизненный путь такого вот «барчука» — Стаховича. «С детских лет он привык считать себя незаурядным человеком, для которого не обязательны обычные правила человеческого общежития», он «умел в отношениях с товарищами подчеркнуть свое превосходство», пишет А. Фадеев. Эти воспитанные с детства чудные советским людям качества Стаховича логически завершаются тяжким преступлением. В трудную минуту «барчук» изменил Родине, предал своих товарищей.

Это, конечно, крайний, доведенный до предела случай.

Но ребенок, который привык получать от родителей все, что он просит, не затрачивая для этого никаких усилий, который не приучается к труду, к настойчивости, к преодолению трудностей, такой ребенок в будущем станет пасовать перед малейшими невзгодами. Любое препятствие — даже самое незначительное — ставит его в тупик. Часто он терпит самооблажение. И если коллективу не удается его перевоспитать (а это не так легко), он становится человеком, чуждым нашему социалистическому обществу.

Недавно на открытии партийного собрания московского завода «Станколит» об обсуждении коллектива поставлен был вопрос о воспитании детей рабочих и служащих завода. Несколько членов дало взволнованный разбор о таких шестилетних, тонких проблемах, как проблемы воспитания детей, проблемы поведения родителей. Какое это хорошее начинание! Какую огромную пользу могут принести подобные общественные обсуждения всенародному делу коммунистического воспитания наших детей.

В семьях, где родители забывают о решающей роли труда в воспитании детей, иногда и появляются маленькие бездельники.

Многие из таких родителей сами любят работу, хорошо трудятся в учреждениях и предприятиях, на заводах и в институтах. Однако они забывают, что высокое звание отца и матери обязывает их направлять ум и творческую энергию и на воспитание своих детей в духе коллективизма, в духе любви к труду, в духе презрения к рецидивам барства.

«Барчуки». Этим презрительным именем народ называл детей бездельников-эксплуататоров. «Барчуки» в наше время не что иное, как пережиток буржуазной системы воспитания. Именно отсюда, из мутных источников буржуазного общественного уклада идут эти «недежные восприятия» единственной дочери, парад, бесконечное баловство и отстраненность на тему — «Чему учит история ВКП(б)».

На последних восьми занятиях были заслушаны 26 докладов. С докладами выступили участники семинара — коммунисты и беспартийные.

На итоговом собеседовании было решено продолжать в новом учебном году изучение произведений классиков марксизма-ленинизма, сочетая его с дальнейшим изучением марксистско-ленинской эстетики.

СЕМИНАР ПИСАТЕЛЕЙ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Закончился занятия семинара по изучению произведений В. И. Ленина и И. В. Сталина, организованного при местном отделении Союза советских писателей. Своим трехдневную учебную программу завершили теоретической конференцией на тему — «Чему учит история ВКП(б)».

На итоговом собеседовании было решено продолжать в новом учебном году изучение произведений классиков марксизма-ленинизма, сочетая его с дальнейшим изучением марксистско-ленинской эстетики.

В. КОРОТЕЕВ Роман о подвиге народа

Георгий Березко известен как автор нескольких талантливых произведений об Отечественной войне. Три повести его — «Красная ракета», «Командир дивизии» и «Ночь полководца» — привлекают симпатии читателей умением автора нарисовать советского человека в момент совершения подвига, в момент наиболее полного раскрытия всех его духовных и физических сил, меткостью наблюдений, детальным знанием военной жизни.

Однако если в «Красной ракете» и «Командир дивизии» у Березко повествование основывается на увиденном, пережитом на войне и, как правило, верно типизированном в книге, то в «Ночи полководца» писатель, словно не поверив своим силам художника-реалиста, прибегнул к искусственной ситуации (умирающий веревкой командует сражением), и это породило в талантливых повести наряду с правдой странную неправду.

Читателю запомнились и понравился герой Березко — юный солдат Николай Уланов, отважный лейтенант Горбунов, волевой полковник Богданов, не щадящие жизни ради того, чтобы достойно выполнить свой долг перед Родиной.

Первая книга романа «Мирный город» («Знамя», №№ 2, 3, 4 за 1951 г.) посвящает тему великого подвига советского народа в Отечественной войне и что он стремится преодолеть свои прежние недостатки.

Почти десять лет прошло со времени событий, описанных в новом романе Березко. Десять лет — достояние времени для того, чтобы, сохранив меткость наблюдений и свежеть восприятия и глубоко осмыслив события военных лет, написать художественные произведения, достойные подвига народа.

Справился ли писатель с этой задачей?

«Мирный город» Георгия Березко — это роман о героическом подвиге советских патриотов, с оружием в руках вставших на защиту своего родного города, осажденного врагом. Если героями первых по-

любим захваченным, которые пытаются вновь напасть на этот мирный народ, умеющий постоять за свое Отечество!

На страницах романа читателю раскрывается та духовная сила, та высокая нравственная красота нашего человека, что называется советским патриотизмом. Читая страницы, рассказывающие в том, как вники и правдуки непревзойденных русских кузнецов, механиков, оружейников, токарей, граверов, сыновья легендарных красноармейцев сражаются за справедливое дело своих отцов, за счастье своей советской жизни, ощущаешь бессмертную силу завоеваний Октября. В патристическом духе людей, в гневной ненависти к их врагу, в презрении к лишениям и к самой смерти, в решимости бороться до полной победы читатель видит драгоценные плоды великой воспитательной и организаторской работы партии Ленина — Сталина.

Березко верно заметил отличительную черту той грозной поры — споконствие и организованность советских людей.

— Жизнь, можно сказать, на передовой, а паняня незаметно, — одобрительно говорят о героях наш солдат-шофер.

Вместе с солдатами горняками разделяют все тяготы осад. Мужество вооруженных рабочих слагается в героизм бойцов армии, с трудовой доблестью их жене, отцов и детей, все это образует ту невиданную стойкость, о которую разбиваются яростные атаки врага. Воспитание вызывает коммунисты, своим примером увещающие людей на борьбу с врагом, герой-ополченцы, женщины и подростки, без устали помогающие записничкам города и безропотно переносящие тяготы осад.

Автор подчеркивает, что, невзирая на опасность, на жертвы, люди все лучше делали свое дело, необходимое для жизни и победы.

«Умереть это всякий может, это простое дело, — говорит начальная боевого участка генерал Лянов. — Простое дело, говорю, а надо выполнять приказ... Хочется отметить еще одну верно замеченную автором замечательную черту советского человека — его гуманность. Горожане трогательно заботятся друг о друге в эти суровые дни и ночи вражеской осад. Женщины заботятся о солдатах, подростки укрывают в убежище стариков, захваченных бомбежкой на улице. Простые советские люди не шаят себя для того, чтобы спасти даже незнакомого человека, облегчить его горе. В этих поступках выливается и единство большой советской семьи и характерная для советского строя забота о человеке.

Писатель показывает величие и силу народного сопротивления иноземному врагу. Грозно поднялся навстречу захватчику мирный и добрый город рабочего народа, ометившись он штыками рабочих отрядов, противотанковыми надолбами и рвами. Не слыня, а еще больше сложенное было ответом на удары врага. Гора

Геворг ЭМИН У РОДНИКА

У родника-памятника герою Отечественной войны Нелсону Степаняну

Ты слышишь отзвуки речей Слыхав плеск и брызги водной пыли? То голоса твоих друзей, То здесь когда-то воду пили, Тех, что погибли на войне Далеко от селений отчих За то, что в мирной тишине Незамутненными бы источниками.

И если ты сплещишь домой, И если, порабатывая на нивах, — Водой студеную омой Ладони рук трудоводных.

А если ты поэт — поверь: Журчанье в песню превратишь ты. Прокляжи, такны теперь У нас поминки по погибшим.

Сядь под зеленый тополь, пей И слушай родника журчанье, В нем голоса твоих друзей — Бессмертно напомянишь. Оно то гроно, как в бою, То тихо, в этой ясной шпире, Твердит нам заповедь свою: — Да будет мир повсюду в мире!

Пей из родного родника И не грусти, — грустить не надо! Пускай в горах эзвент кярра, Сажай побольше винограда, Каналы рой, вздувай огонь, Чтоб не знаять нам ночи мрачной, Чтоб не слышать вражьи копы Не замутил воды прозрачной.

Борис ДАНИЛОВ

Хочется жить тысячу лет

Надо мною пролетают чины, Собирают мед в цветах густых. Я не прычу головы веселой, Я за дули не считаю их. Если ночью вдруг меня разбудят Вспышки молний, падающих гром, Я не думаю, что быт орудья, Я друзья, не покидаю дом. Если забуржачена природа, Гул и грохот гусениц с утра, Знаю, что не такны дают всходы, — Землю поднимаю трактора. Посмотрю и радуюсь, что встала Рожь под солнцем, колосом зрелая: Сотни тонн забвенного металла За мне бросили на меня. Я — нарисел. Под Октябрьским стягом С братом русским шел к победе я. На колоне нашего рейстага Штыковая подпись есть моя. И недром в нашем славном крае От прикосновения добрых рук Сад цветет и в поле рожь играет, Лес растет и хорошеет луг. Будут подлыми сусеки житниц, — Замыслил предела нет. Потому и хочется прожить мне Тысячу, по крайней мере, лет.

Перевел с маринского Сергей ПОДЕЛКОВ

Коротко о важном

ПО ЧАСОВОМУ ГРАФИКУ... БЕЗ ЧАСОВ

Введение часового графика на полях показало трактористам, комбайнерам и другим механизаторам преимуществ перед старым, прогрессивным методом труда. Трактористы с энтузиазмом взялись за работу, вели счет минутам.

Интересное письмо прислал в «Литературную газету» В. Нерусин, бригадир тракторной бригады Нижне-Ломовской МТС Пензенской области.

На примере своего колхоза «Новая жизнь» он показывает, что значит работать на поле по часовому графику. В прошлом году, работая по часовому графику на трех тракторах, бригады тов. Нерусина сэкономила 11,000 килограммов горючего, снизила себестоимость обработки гектара на 4 рубля и сэкономила для колхоза более 30,000 рублей.

В этом году во время весеннего сева и взмета паров бригады тов. Нерусина сэкономила 3,800 гектаров вместо плановых 2,542 гектаров и сэкономила за одну только весну 1,670 килограммов горючего. Бригадир утверждает, что результаты работы в колхозе были бы еще выше, если бы... на тракторах и комбайнах были часы.

В самом деле, часового графика предполагает наличие перед глазами тракториста часов. По ручным часам неудобно вести хронометраж, учитывая сорокание механизаторов. А учитывать минуты приходится беспрерывно. Нужно завести машину горючим, маслом, водой, нужно учесть время на перегоны, нужно подсчитать минуты на разгрузку комбайнов от зерна...

Часы на тракторах и комбайнах — вот что нужно, по мнению бригадира-бригадыра В. Нерусина. На легковых автомобилях и самолетах есть часы. Почему же мы не быть и на тракторах и комбайнах? Тов. Нерусин предлагает руководителям тракторной промышленности подумать об этом, казалось бы, несомненно, но важном деле.

БУМАГА ИЗ БУМАГИ

Великий поэт Узбекистана А. Алишер Навои назвал бумагу крыльями, развешивая по миру мысль мудрецов. На бумаге мы пишем. Без нее немые страницы книг, газеты, журналы. На бумаге печатаются деньги, почтовые марки, афиши, плакаты, обои, билеты.

Из бумаги и картона изготавливают детали для легковых автомобилей (их более двухсот), фотоаппараты, ажурные консервные банки, коробки, ящики для папиров, мороженого, парфюмерии.

В фельетоне Ю. Нагибина «Клевета» («Литературная газета» №100 за 1950 год) рассказывается история Гали Морозовой, которую сначала известили о зачислении на философский факультет Московского университета, а затем неожиданно отказали в приеме. Отказу предшествовало получение в МГУ анонимного письма от тов. Хоменко на анонимном письме.

Подтвердив правильность основных фактов, изложенных в фельетоне, комиссия вместе с тем отметила и имеющиеся в нем ошибки. Неверно указано, что Гали Морозова не слушает лекций в университете, так как она учится на заочном отделении философского факультета, допущена к посещению лекций и сдаче экзаменов. Комиссия признала необоснованными персональные обвинения, выдвинутые в фельетоне против секретаря приемной комиссии тов. Хоменко.

Комиссия признала, что студентка заочного отделения философского факультета МГУ Морозова при условии успешной сдачи всех экзаменов в нынешнюю экзаменационную сессию необходимо перевести на второй курс стационарного философского факультета.

Чувство высокой сознательности движет поступками и юных героев романа. Шестнадцатилетний Володя Тихонов, его приятель Витя Березкин, Лена Колесникова — еще подростки, ясные и искренние в своих поступках и словах, — так же, как и старик Громов, полны сознанием своей ответственности за судьбу Родины, стремятся занять свое место в общем строю бойцов.

И мать Володи Ольга Ильинична, угловая вернувшись из разведки Володя, Леночку и Витю, не удивляется, как быстро стали солдатами эти дети, которыми бы учиться да в кино ходить.

Автор пишет о героизме горожан, как о естественном, характерном явлении нашей жизни. Это и не удивительно, потому что горожан защитников осажденного города был каждодневной нормой их поведения. Капитан Торин в тот момент, когда гитлеровцы ворвались на КП батальона, не колеблясь, вызывает на себя огонь нашей артиллерии. Связной Молочков не задумываясь, принимает на себя смертельный удар, который настиг бы подполковника Богданова.

Одна из самых колоритных фигур в романе — лейтенант Грачев, командир роты ополченцев. Этот суровый, требовательный юноша, будучи раненым, поражает силой духа, волей в борьбе и победе. Однако портрет Грачева все же не дописан. Писатель не показал широту его духовного мира. Читателю остается додумывать черты этого юного героя, который ему симпатичен, «вошел в его душу».

Из других персонажей хочется отметить подполковника Богданова. Читатель ощущает собранность, тугую, словно напруженную волю этого человека, его обширное чувство ответственности за судьбу Родины, за общее дело. Но автор несколько обидел Богданова, нарисовав его сухопутным, педантичным командиром. Точность в описании военной жизни — сильная сторона Г. Березко. Но он слабее как художник, когда изображает не военных людей. Писателю нехватало красок для многих своих героев: командир партизанского отряда Никита Давыдович, политрук роты Елисеев, комиссар Трифонов, топар Иван Бокор, инженер Трошин, большой мальчик Гога мало удалось автору, их образы туманны, расплывчатые, они не запоминаются.

Некоторые действующие лица, не занимая много места в романе, например лейтенант Грачев и шаштер Анисимов, оказываются более выразительными, рельефными, нежели герои, о которых написано значительно больше, например

Для производства тонны бумаги в среднем нужно 5 кубометров слесовых бревен определенного размера и качества (баланс), 5 кубометров дров и, кроме того, более 1,000 киловатт-часов электроэнергии.

Но бумагу можно делать и из бумаги. Переработка использованной бумаги (макулатуры) экономит сотни тысяч кубометров леса в миллионы киловатт-часов электроэнергии.

Из тонны макулатуры получается тонна бумаги, на производство ее расходуется лишь 400 киловатт-часов электроэнергии. Старую, ненужную бумагу необходимо возвращать для переработки.

Сбор макулатуры возложен на Главупилысьрье Министерства легкой промышленности СССР и на промкооперацию. Однако Главупилысьрье выполняет это задание плохо, а промкооперация — еще хуже.

Производство бумаги и картона в 1951 году возросло по сравнению с 1940 годом на 70 процентов, а сбор макулатуры сейчас ниже довоенного на 30 процентов. Предприятия бумажной промышленности вынуждены расходовать десятки тысяч тонн дорогостоящих полуфабрикатов и сотни тысяч кубометров баланса на выработку низких сортов бумаги и картона, для производства которых надо было бы использовать только макулатуру. Главупилысьрье ограничивается сбором бумажного сырья в издательствах, типографиях и на некоторых предприятиях. Собор же старых тетрадей, чертежей, испаянной писчей бумаги, газет в школах, вузах, учреждениях и у населения почти не производится.

Руководители Главупилысьрья и промкооперации до сих пор не усложнили даже восстановление существовавшие до войны склады и фабрики для сортировки собранной бумаги.

Население не знает, где и кто принимает старую бумагу. Нет плакатов в объявлениях, призывающих сдавать макулатуру.

Почему, например, ежегодно пропадают 180 миллионов мешков (45,000 тонн особо прочной бумаги), отпускаемых цементной и химической промышленности для упаковки цемента и химических удобрений? Разве значительную часть их нельзя было бы вернуть со строек, из совхозов и колхозов для переработки?

Почему гибнут тысячи тонн картонных ящиков и коробок в продуктовых, галантерейных и парфюмерных магазинах?

А почему некоторые ведомства сжигают и выбрасывают тонны использованной бумаги? Надо обязать их сдавать ее в утиль.

Если серьезно заняться сбором макулатуры, то количество сырья, получаемого бумажной промышленностью, можно намного увеличить.

Последним фельетоном

приеме Морозовой в университет. Установлено, что полученное Московским университетом анонимное письмо имело значение для пересмотра решения Центральной приемной комиссии о приеме в университет Гали Морозовой. Этот факт подтверждается резолюцией, наложенной секретарем приемной комиссии университета тов. Хоменко на анонимное письмо.

Подтвердив правильность основных фактов, изложенных в фельетоне, комиссия вместе с тем отметила и имеющиеся в нем ошибки. Неверно указано, что Гали Морозова не слушает лекций в университете, так как она учится на заочном отделении философского факультета, допущена к посещению лекций и сдаче экзаменов. Комиссия признала необоснованными персональные обвинения, выдвинутые в фельетоне против секретаря приемной комиссии тов. Хоменко.

Комиссия признала, что студентка заочного отделения философского факультета МГУ Морозова при условии успешной сдачи всех экзаменов в нынешнюю экзаменационную сессию необходимо перевести на второй курс стационарного философского факультета.

Наташа, политрук Елисеев или председатель городского комитета обороны Ласточкин. Совсем не удалось автору портретов врагов. Былший штаб-ротмистр Бурцев карнавалера, он напоминает Бису Воробьянинова из «Венадцати стульев» П. Ильфа и Е. Петрова. Другие враги — немецкий разведчик Эвеминг, предатель Никитин настолько обезличены, что их черты нельзя разглядеть.

Несколько слов о Наташе. Этот образ кажется взятый из литературы, а не из жизни. Наташа с ее сомнениями, сомнениями, с ее пассивной натурой вызывает не симпатии, а раздражение. В осажденном городе, где каждый действует на своем посту, она Наташа, взрослая зловредная женщина, оказывается не у дел, она — «устраивает» свою героиню работать на станкоотделительный завод. И споротворкой сообщает о том, что она оказалась полезна.

И хотя автор уделяет Наташе непомерно много внимания, буквально не спускает глаз со своей героини, все же лучше, чем Наташа, запомнились Серафима Семеновна, хозяйка дома на окраине города, по-матерински заботящаяся о бойцах, о которой Павел очень хорошо говорит, что «если бы наградили за душевное богатство, я бы ее представил к ордену».

Описывая мельчайшие подробности боя, писатель в то же время летает пыльную картину, в которой чувствуется знание военной жизни, наблюдательность и умение точно выразить свое отношение к увиденному; замечено.

Писатель стремится, но ограничиваясь описанием внешней стороны подвига, глубоко проникнуть в психологию своих героев. Вот, например, Ольга Ильинична пропадет со своим сыном Володей, уходящая в разведку. Картина эта подлая поэтической прелестью. Мать старается уловиться, чтобы уменьшить для сына печаль расставания, обрывает, укрепить его перед тем, что ему предстоит.

И эта трогательная улыбка матери, провозглашая много сына, быть может, и старшей своей обрывает его, в те время, как сердце ее разражается на части, — проявление высокого мужества. Сцена эта написана с подлинно художественной точностью.

Или другой пример. Наташа вместе с Богдановым едет в машину на Москву в Т. Тут очень тонко замечено, как по-разному воспринимают они открывающийся им из машины пейзаж. Для Наташи это поле в флюидной туманной, для Богданова — заблаговременно оборудованная пози-

1. Трамвай еще не ходил. Мы возвращались домой пешком, пустынным улицами освобожденного недавно города, с первой премьеры оперы «Запорожец за Дунаем», поставленной собранным наспех ансамблем львовских актеров.

Октябрьская улица, все еще засыпанная блестящим оконным стеклом, вздымаясь в гору, привела нас к магистрали, которой Советская Армия, освободив Львов 27 июля 1944 года, возвратила ее прежне название: улица Сталина. Здесь нам предстояло расстаться, но мой спутник, старый львовский актер, остановившись, поклявшись рукой на небольшую квадратную площадку.

— Знаете ли вы, — сказал он, — что вот этот маленький клочок земли был ареной многолетней нашей борьбы за украинский театр во Львове, за его место под солнцем. Именно тут срашивались наши усилия, направленные к тому, чтобы построить здание своего скромного театра и покоящихся с периодом брожения творчества раздробленных театральных коллективов. Большую часть года проводили они в разъездах по провинции, а здесь, в самом большом городе края, чувствовали себя пастухами.

Это очень типично для истории украинского театра в Австро-Венгрии и в Польше Пилсудского. Заученные вечные странствиями в погоне за куском хлеба, лучшие наши артисты-самородки гибли один за другим.

Теофила Бачинская, прекрасная драматическая актриса, переехав из Вильно в Галицию, умирает в нужде и горе в 1904 году. Даже могла ее затеряться, а ведь все газеты сравнивали ее с лучшими трагическими актрисами того времени. Гибнет в Перемышле от голода несравненный исполнитель роли Яворюка в одноименной трагедии Устияновича актер Иван Гриневский. Ученик корифея украинской сцены Старицкого и Кропивницкого, Кость Поквускокий, на старости лет, после 28 лет отличной игры, индий, стал приживальщиком пола Сабата, а потом, наконец, «меченаты» из Львова самоубийствился. Они послали Подьясскому 100 австрийских крон и письмом с советом... открыть мелочную лавочку. Но совет запаздывал, потому что Подьясский уже умер от истощения...

Счастливыми, увидевшими солнце оказались лишь те западно-украинские актеры, кому в разное время, любима пути удалось попасть за Збручу, в Советскую Украину: Мариан Брумельский, Наталья Ужвий, Амвросий Бучма...

— Те же, кто оставался здесь, — продолжал мой спутник, — тем временем, на этой вот площадке, мечтали построить свой театр. Купили этот клочок земли. Начали собирать деньги. Учреждали вполне комитеты. Туда немедленно пролезали всевозможные националистические карьеристы. Создавали «проекты», связались с полурезультативными венскими оптимистами, набивали попутно собственную кофину народными деньгами, вели агитацию в печати, и что из этого вышло? Пустая площадка, и больше ничего! Дотянул дело до конца тридцатых годов, пробивались через всечасные ротации колонизаторов, выступали в парламенте и семье, давали взятки и не могли понять одного, что до тех пор, пока Львов не будет возвращен народу, пока грузовой народ не придет к власти, — ни театр, ни университет, ни консерватория — ничего нам не увидит...

2. Трудно забыть этот ночной разговор почти семилетней давности на перепресте освещаемых луной пустых улиц ста-

ричного города. Вель много-много лет было именно так: брожение театри, преждевременная годовая смерть, как удел целой плеяды талантливейших актеров...

Осуществление исконной народной мечты — воссоединение Западной Украины со всем украинским народом в составе великого социалистического государства положило этому конец. Скоро семьсот лет исполнится Львову, но можно смело утверждать, что время, прошедшее со дня освобождения города в 1944 году, равно по огромным экономическим и духовным преобразованиям, по своей культурной насыщенности целому столетию, если не больше. Оно принесло такой расцвет народного искусства, театра, музыки, какого никогда не знала эта горестная земля.

...Той же осенью 1944 года на маленькой эстраде вновь открытого львовского ресторана ежевечерне можно было видеть молодого пианиста, Кос-Анатольский, — так звали пианиста, — не глядя в ноты, исполнял «легкую музыку». Но всякому, кто внимательно наблюдал за пианистом, было видно, что это ему смертельно наскучило, что есть у человека какая-то застенная мечта. Мало кто знал, что Кос-Анатольский дома, после ночной работы и вперемешку с частными уроками, творит собственную музыку. Скромный по натуре человек, он не хвастал первыми успехами и долгое время, живя уже в советском Львове, не предполагал стать профессиональным композитором. Вель это было такою новостью для здешних нравов — украинец и вдруг профессиональный композитор! Это было заторможенное рефлексом прошлого, державший в оцепенении многих художников.

Кос-Анатольского из этого оцепенения вывел постановление ЦК партии об опере «Великая дружба». Вскоре музыкант пришел в отделение Союза советских композиторов и попросил прослушать его песни на слова украинских советских поэтов. Вздвонованным, лирическим музыкальным языком Кос-Анатольский рассказывал в своих песнях о тех больших преобразованиях, которые привнесла на его родную землю советская власть. И песни его закрепились в сердцах Львовчан, в гупальских колыхах, на зеленых карпатских верховьях, за Говерлой, где шумит белая Тисса.

И вот совсем недавно радио пришло во Львов вест о том, что три песни Кос-Анатольского удостоились высшей награды — Сталинской премии.

А за несколько дней до награждения общественность Львова с большим интересом смотрела премьеру балета Кос-Анатольского «Платон Довбуша». Сотни народных легенд и сказаний об Олексе Довбуше, услышанные композитором в Карпатах, его знакомство с Гупальщиной помогли ему написать взволнованное произведение.

Успех постановки балета был поглотен презыдими творческими задачами театра. На сцене Львовского академичекого театра оперы и балета уже шли русские и украинские классические оперы. Львовский поэт Степан Масляк, в прошлом участник группы революционных писателей Западной Украины «Горно», любовно перевел на украинский язык либретто многих опер, идущих на сцене театра. В его удачных переводах зазвучала на львовской оперной сцене и «Любовь Ироуа», и совсем недавно опера Гуно «Ромео и Джульетта». Слушая в ней Пину Шевченко — талантливую лирическую певицу, слушаю и в других операх хороших местных певцов М. Попеля, П. Зайчиного, видя постоянно за дирижерским пультом молодого

в «Мирном городе» пристрастие автора к ложной «романтике» сказало еще сильнее, чем в «Ночи полководца». Вель задача критика состоит отнюдь не в том, чтобы гоняться все время за писателем, однажды допустившим ошибку, с ярлыком или непременно отыскивать в новых произведениях писателя строчки, дающие хотя бы весьма патетичные основания приписать подобный ярлык.

По первой книге романа еще нельзя судить о нем как о целом произведении. Но, прочитав первую книгу, не испитываешь чувства полного удовлетворения. Писатель ввел нас в мир бесконечно волнующих событий, славных людей, познакоми нас с ними, об иных хорошо рассказал. Но в то же время автор не достиг целостности художественного полотна. В композиции романа нет необходимой стройности.

Не продумав до конца композицию романа, Г. Березко не сумел точно распределить имеющийся у него материал на широкий художественный полотно; это позволило ему показать обороты города Т. в ее органической связи с событиями большого плана.

Нить романа составляют фактически несильно дной обороны мирного города. Дело не в том, что этих событий «нехватка» на роман. Эти события сами по себе значительны. Но сейчас, спустя десять лет, они кажутся для читателя лишь одним эпизодом в гигантской битве за Москву. На нить этого эпизода автор повязал непомерно большой груз. Хотя события отражены верно, автор не сумел создать полную и целостную панораму, в его картине нет должной широты. В книге есть стремление снять чрезмерно события до нескольких суток. Роман разрывается, как эпопея, и изображаемые события выступают в противоречие с отведенным для них писателем временем.

Особенно следует подчеркнуть такой недостаток романа, как его разнородность. Писатель часто переходит с языка художественного повествования на так называемый публицистический язык. Публицистика в художественном произведении вполне закономерна, но появление ее должно быть оправдано. Выступающий в повествование взволнованный голос автора-публициста должен увлекать читателя не менее, чем само повествование. Но не может быть оправдана поверхностная публицистика, построенная на общих фразах, запященная влованным языком, не являющаяся достойным выражением глубокого и энергичного чувства. Она не оставляет у читателя яркого впечатления, не за-

тригивает сердца. Когда Березко, прерывая нить своего повествования, спешит повести читателю о том, что происходит в это время вдали от мирного города, его отступление органически отнюдь не всегда слито с повествованием, а иногда сухая военная хроника рвет художественную ткань романа.

Многие главы романа рыхловаты, расплываты. В ряде случаев герои романа, например, Павел, мучающийся, проносящий декларативные слова, которые не затрагивают сердца читателя.

Иногда в самые решающие моменты повествования, когда читателю особенно важно увидеть, предмету представит, о чем идет речь, автор вдруг переходит на скороговорку, на торжественный, порою поверхностный пересказ последующих событий.

В таких случаях писатель информирует читателя о том, что он должен бы показать ему.

Красной нитью в романе проходит мысль о единстве армии и вождя, вождя и народа. С большой теплотой написаны главы, рисующие великого полководца, творца побед.

Писатель метко замечает крепкую привязанность наших людей к советским традициям. Осажженный город встречает революционный Октябрьский праздник, как и в дни мира. И хотя пожары горят на его окраинах, а смерть и разрушение смыкают кольцо вокруг города, красное знамя победы реет над этой советской крепостью. И эта сила советских традиций ярко выявляет несокрушимый дух народа.

В заключительной главе первой книги романа писатель изобразил картину необыкновенного военного парада на захваченной Красной площадью в Москве 7 ноября 1941 года, — этого парада советской силы и мужества, решимости и патриотизма. С огромным волнением и благодарностью слушаю Богданов и тысячи других воинов речь Сталина, звучущую, как отцовское благословение, как могучий призыв к победе, к освобождению поработанной Европы.

В романе Г. Березко «Мирный город» отражена правда истории, которую творит народ, героика народной борьбы. И если писатель сумеет преодолеть недостатки первой книги, достоинства его романа, как художественного произведения, запятаяющегося беспримысленным подвиг народа, возрастут: роман может стать большим и принципиально верным шагом на творческом пути даровитого писателя.

львовского дирижера Ярослава Вошака, видя всех их хозяевами прекрасного оперного театра, нельзя было не вспомнить снова о давнем ночном разговоре.

Сразу же после освобождения Львова советскими войсками, осенью 1944 года, сюда переехал на постоянную работу из Запорожья Государственный украинский драматический театр имени Марии Заньковецкой. Среди его актеров и режиссеров старшего поколения были люди, помнящие игру Марии Заньковецкой, выступавшие с ней на одной сцене. Артисты Д. Дударев, В. Ярменко, заслуженные артисты УССР Н. Доленко, В. Донченко, В. Пивченко вместе с театральной молодежью приехали во Львов не просто для того, чтобы показать достижения своего театра. Была у них и другая благородная задача — волевать в свой сичлоный коллектив группу львовских актеров, переживших черные дни гитлеровской оккупации: Ивана Рубчака, Лесю Кривичику и других, истосковавшихся по настоящему, идейному театру, по хорошему репертуару, по опытной режиссуре. Кроме того, театр имени Марии Заньковецкой должен был стать и уже стал притягательным центром для способной актерской молодежи.

Так, по соседству с оперой, стали работать заньковчане. Теперь это один из основных очагов культуры старинного города. Да только ли города?

Вот уже несколько лет, едва спадает стража полевых работ по воскресным дням, на машинах, подводах и поездах — со всех направлений — съезжаются во Львов труженики окрестных сел, вышедших недавно «на большую землю», о судьбе которых рассказывает одноименная пьеса Антона Хвизняка, поставленная заньковчанами. Спектакль «На большую землю» был удостоен Сталинской премии за 1949 год.

Люди нового, колхозного села едут тысячами в свой город приобретать к его культурным ценностям, его музеям, библиотекам, театрам. И когда вы видите нарядно одетых девушек и парубков, смело, без робости заполняющих те самые ложи, которые еще не так давно обносились на сезон графини Пининских, Бадеи, Любомирских, Поточкиных, Бельских, Развильялами, вам всякий раз очень радостно делается на сердце, ибо вы ощущаете, как величественно время, которое мы переживаем.

Поставив несколько лет тому назад пьесу «Мужиккий посол» украинского драматурга Леонида Смилаского, заньковчане впервые попытались раскрыть на сцене образ Ивана Франко. Продолжая бороться за освоение франковской темы, театр недавно осуществил инсценировку известной повести Ивана Франко «Борислав смеется».

Почти четверть века назад горстка передовых борцов, в их числе — писатели Степан Турор, Ярослав Галай, Александр Гаврилюк, называли здесь журнал «Вікна». Его девизом было «Пробурим окоя на Восток». Журнал боролся за воссоединение всех украинских земель в одном государстве, за перевод искусства и литературы, облагораживающие сознание человека.

Совершилось то, о чем мечтали писатели-революционеры, продолжатели дела Ивана Франко, воевавшие за прекрасное будущее своего народа, за расцвет его культуры. Ставшая неотъемлемой частью Советской Украины, освобожденная земля родит новых богатырей, строителей коммунизма, создающих культуру прекрасного настоящего и еще более величественного будущего.

Ростислав БРАТЯКЪ

Ярославу Галану

Осень Львова, солнцем залитая... Ты когда-то любилась ею. Паутина в ясном небе тает, След комыта озерком синее.

Уходил ты за город, где с ходу Обдавал тебя восточный ветер. Ты мечтал о будущем народа. Был твой взгляд торжественен и светел.

Ты любил рабочие предместья. С горечью ты видел в день осенний, Как, с листьями пожелтевшей вместе, Дети уводили от лишней.

Ты любил дворы, куда под осень Лист кленовый залетал едва ли. Где не знали, как свергают росы, Но боролись, жгли, не дремали.

Ты их знал — людей фабричных Львова По подполью, по кружкам рабочим. По листовкам, по речам суровым, По маевкам на холмах Росточья.

Ты их знал по камерам Бригдок*, По разливу демонстраций гневных, По рыданиям женщин тех забытых, Что просили хлеба ежедневно.

Ты любил предгрозовую, бурлящую Львов, раскат протестов и востанья. Ты боролся, веря в день счастливых, Знал, что солнце на востоке встанет.

Ни шептички**, ни другим без роду Племени продажным горлозвонам. Не сломить бессмертный дух народа, Волю ту, что крепче, чем железо.

Осень Львова, солнцем залитая... Ты любил ее, Галай, когда-то, Солнце сентября вошло, сияя, Рухнула стена торжым проклятой.

Встав на стражу мира, неустойно Ты боролся, не жалея жизни. С любовью и коварством Ватикана, С шайкой убитых черпозирных.

Ты клеймил хозяев их заморских, Неясными вашигтонских боссов. Что наемных продажных горстку Выискали среди людских отбросов.

Ты боролся с теми, что решили Ввергнуть нас во тьму былого сна. Чтоб нам опять тькуну жизни Не народа, из рабочих Львова.

Ты любил великую любовь Украины, что пахнет едья. Нет, не погасит любовь сыновней, Навсегда свобода Украины!

С нами ты — вчера, сегодня, завтра, Ибо смерть бессильна перед правдой. Голос твой окреп, а не затих. Смерть не побеждает часовых. Перевел с украинского Я. ХЕЛЕМСКИЙ

Ростислав БРАТЯКЪ

Ярославу Галану

Осень Львова, солнцем залитая... Ты когда-то любилась ею. Паутина в ясном небе тает, След комыта озерком синее.

Уходил ты за город, где с ходу Обдавал тебя восточный ветер. Ты мечтал о будущем народа. Был твой взгляд торжественен и светел.

Ты любил рабочие предместья. С горечью ты видел в день осенний, Как, с листьями пожелтевшей вместе, Дети уводили от лишней.

Ты любил дворы, куда под осень Лист кленовый залетал едва ли. Где не знали, как свергают росы, Но боролись, жгли, не дремали.

Ты их знал — людей фабричных Львова По подполью, по кружкам рабочим. По листовкам, по речам суровым, По маевкам на холмах Росточья.

Ты их знал по камерам Бригдок*, По разливу демонстраций гневных, По рыданиям женщин тех забытых, Что просили хлеба ежедневно.

Ты любил предгрозовую, бурлящую Львов, раскат протестов и востанья. Ты боролся, веря в день счастливых, Знал, что солнце на востоке встанет.

Ни шептички**, ни другим без роду Племени продажным горлозвонам. Не сломить бессмертный дух народа, Волю ту, что крепче, чем железо.

Осень Львова, солнцем залитая... Ты любил ее, Галай, когда-то, Солнце сентября вошло, сияя, Рухнула стена торжым проклятой.

Встав на стражу мира, неустойно Ты боролся, не жалея жизни. С любовью и коварством Ватикана, С шайкой убитых черпозирных.

Ты клеймил хозяев их заморских, Неясными вашигтонских боссов. Что наемных продажных горстку Выискали среди людских отбросов.

Ты боролся с теми, что решили Ввергнуть нас во тьму былого сна. Чтоб нам опять тькуну жизни Не народа, из рабочих Львова.

Ты любил великую любовь Украины, что пахнет едья. Нет, не погасит любовь сыновней, Навсегда свобода Украины!

С нами ты — вчера, сегодня, завтра, Ибо смерть бессильна перед правдой. Голос твой окреп, а не затих. Смерть не побеждает часовых. Перевел с украинского Я. ХЕЛЕМСКИЙ

* Бригидки — тюрьма, где в старой Польше томился львовский революционер.

** Шептички — галицийский униатский митрополит, контрреволюционный агент, организатор антиреволюционных сил на Западной Украине.

Украинские писатели у трудящихся Красной Пресни

Пышные кроны молодых деревьев живо изгородью возвышались над оградой Зеленого театра Краснопресненского парка культуры и отдыха. Здесь трудящиеся района принимают своих гостей — украинских писателей и артистов.

Мастера орденосного комбината Трехгорная мануфактура пришли сюда, чтобы встретиться с мастерами литературы и искусства братской Украины. Вот слыт Москва знатная прядильщица А. Оспинова, обслуживающая более тысячи веретен. Неподобно от нее — потомственная текстильщица Н. Кожина, 37 лет назад пришедшая на «Трехгорку» работницей; теперь она контролер по качеству. С большими букетами розовых пионов стоит около эстрады юные прядильщицы А. Лебедева и А. Устинова, через несколько минут они передадут эти цветы участникам декады.

М. Бубенцов от имени литературной общности столицы приветствует сидящих в президиуме украинских поэтов и прозаиков П. Тычину, Л. Дмитренко, П. Коляничко, П. Воронько, Ю. Збанацкого, М. Шеремета, Ю. Гойду, С. Олейника, Я. Шпорту, Н. Зайду, О. Иваненко, которые прочтут москвичам свои новые произведения. Павло Тычина читает стихи, посвященные Москве.

Мы в Москве! Привет, родная! Вырастают, расцветая, В сердце радость золотая, Что твои, Москва, мы дети! Крепче нет родства на свете!

...Лейся, песня, лети далеко, От заката до востока! Солнце славы, стой высоко! В нашей дружбе — наша сила. Дружба силу возрастала...

Второе свое стихотворение — «Залог мира» — поэт посвящает депутату Верховного Совета Союза ССР, знатной текстильщице Александре Штыровой, с которой он встретился во время поездки делегации деятелей советской культуры в Болгарии.

От имени коллектива Трехгорной мануфактуры гостей приветствовал лауреат Сталинской премии мастер фабрики В. Воронько.

После окончания литературной части вечера собравшиеся познакомились также с народными песнями и произведениями классиков украинской музыки и современных композиторов в исполнении Государственной капеллы бандуристов УССР.

Максим РЫЛЬСКИЙ

Взыскательность поэта

Среди русских писателей, живущих и работающих на Украине, видное место по праву занимает Николай Николаевич Ушаков. Это очень своеобразный и тонкий поэт, лирик по преимуществу, талантливый переводчик и вдумчивый редактор. И оригинальные свои вещи и переводы Н. Н. Ушаков долго вынашивает и оттачивает, стремясь придать им самую убедительную и самую выразительную форму. Он считает, что каждый должен иметь свой голос, свой художественный почерк.

С этими его мыслями не расходится и его литературная практика. Ушаков берет, скажем, старинный восточный мотив — любовь Фархада и Ширин — и своеобразным поворотом осовременивает его, посвящая свое стихотворение строительству гидроэлектростанции на Сыр-Дарье.

Эти наши зажгутся светила в электрическом нашем краю: молодая Ширин посушила нам прекрасную руку свою.

Составляю великому радям, союзники милой руки, мы идем — молодые Фархад, и машин голубые громады в омолоуны в блестят у реки.

Блажь, я когда-то не понял узбекского шикла Ушакова. Он казался мне плодом стилизации. Это неверно, и я рад сегодня признать свою ошибку.

Прочтите или порчитайте такие стихотворения Ушакова разных годов, как «Начало», «Стихи о Некрасове», «Четверка», «Дашава — Киев», «Львов», «Москва», «Восна республика», «Стихи о Пушкине», «Стихи о Шевченко», «Строим город в Запорожье», «Первые машины в Сванети», «Земледел в гостинице», и вы увидите, как любит поэт нашу Родину, как гордится он ее великим прошлым, как счастлив он; видя ее непрерывный рост и великое будущее. Николай Ушаков много ездил по стране. Из книг его носят совершенно оправданные названия: «Путешествия» (1940) и «Новые путешествия» (1948). И путешествует он не как скучающий турист, не как праздный наблюдатель, а как патриот и активный участник жизни. Отсюда — живое разнообразие его тем и плентельное своеобразие в их трактовках, отсюда — прозрачная чистота горизоата.

Николай Ушаков — уроженец г. Ростова-Ярославского. Но с юных лет он переехал в Киев. Здесь протекает вся его деятельность. Естественно, что он, как чуждый поэт, не мог остаться вне украинской культуры, вне украинской литературы. Не только пейзажи украинской земли, но только возмущение лаяния горлового ему Киева прочно вошли в его творчество: он неизменно внимание уделяет украинской поэзии, будучи неотъемлемым переводчиком и классиком, как Шевченко, Франко, Гребакский, Леса Украинка, и современных украинских поэтов. В сотрудничестве с украинскими поэтами Н. Н. Ушаков принимал участие в редактировании первого полного собрания стихотворений Шевченко, вышедшего по традиционному названию «Кобзарь» (сам Шевченко называл так только одну книгу стихотворений), и пятитомного собрания сочинений Шевченко, предназначенного для русского читателя (1949). Много было горячих споров и с переводчиками и между редакторами, особенно при работе над «Кобзарем». Но всегда радовал и трогал Николай Ушаков своей искренней любовью к поэзии Шевченко, своим глубоким пониманием ее, своим горячим и упорным желанием передать на русском языке все ее особенности, подчас очень трудно поддающиеся переводу.

Кроме украинских поэтов, Ушаков переводил немало поэтов белорусских, узбекских, лезгинских... В частности, превосходно перевел он на русский язык влюбленные строки Сулеймана Стальского.

Автор чудесного стихотворения «Четверка» — о четырех советских бойцах, посланных фамилии Иванов, Иваненко, Иванбаев, Иванцисе, — стихотворения, озаглавленного милой, добродушной улыбкой поэта, — Николай Ушаков верен велькой идее дружбы народов. О ней он проникновенно говорит:

Многосемяннее с годами — бурят, марем, осетин — поем мы всеми голосами, но общий есть у нас — один.

Идем мы многими путями и чувств нам тысячи дано, но мысль одна владеет нами, и чувство нас влечет — одно.

Государственное издательство художественной литературы очень хорошо сделало, выпустив в декаде украинского искусства и литературы избранные стихи Ушакова под заглавием «Единство».

Корней ЧУКОВСКИЙ

Литературная зрелость

Оксана Иваненко — очень разнообразный талант; и сказочница, и беллетрист, и поэт, и историк.

В ее книгу «Повидання та казки» входят такие разнообразные вещи, что порою кажется, будто эту книгу писали два или три человека, совершенно не похожие один на другого.

Особенно образовал меня тот цикл ее беллетристических очерков, в котором выведены малые дети.

Очерки так и светятся юмором, «облаienen поэзия детства». Автор легко и свободно, без всякой натяжки, преобразует в свою героиню, семилетнюю первоклассницу Галаю, говорит ее языком, ее голосом и смотрит на весь мир ее глазами. И другие персонажи в этих очерках — не абстрактные вообще-дети, наделяемые отвлеченной, так сказать, алгебраической «детскостью», а подлинные советские дети, полтавчане и харьковчане, дети нашей эпохи и нашей страны.

Таким же проникновенным в детскую душу отличаются лучшие сказки Оксаны Иваненко, вполне отвечающие запросам и вкусам тех наших глубокоокупаемых граждан, которые имели завидное счастье родиться лет шесть или семь назад.

Среди сказочников Оксана Иваненко занимает особое место. Она обобщила жанр полюбившейся сказки с познавательным, природоописательным уклоном. Хотя в сюжетах ее сказок и проявляется известная доля фантастики, хотя и соулкая, и звери, и цветы, и деревья разговаривают в них по-человечески, фантастика — лишь нарядное прикрытие, футляр для тех научных сведений, которые таится внутри.

По такому способу написаны Оксаной Иваненко все ее сказки — и «Бислячка», и «Елка и мандаринка», и «Куда делал журавлик», и многие другие. Снаружи как будто сказка, а внутри — какой-нибудь поучительный факт из области естественных наук: либо описание перелета птиц, либо мудро организованная жизнь шмелей, либо бесчисленные превращения капли воды в круговороте природы.

Этими природоописательными сказками Оксана Иваненко, насколько я помню, начала свой творческий путь.

Она долго не решалась покинуть эту свою тему, не замечая, что здесь в конце концов ей угрожает рутинна и шаблон.

Война поставила Оксану Иваненко лицом к лицу с грозными реалиями жизни и открыла ей новое поле для творчества. Подвиги советских детей в оккупированных областях Украины — эта тема надолго захватила писательницу.

Один из ее героев помогает учителю защищать от фашистов любимую школу («Школа»), другой с опасностью для жизни скрывает в колоде окровавленное знамя полка («Тайник»), третий разбивает единственный номер советской газеты и возмывает эту драгоценность до колхоза на глазах у захватчиков («Почта пришла») и т. д. — все это описано лаконично и сдержанно, без лишнего пафоса, с тем живым и трезвым реализмом, который заставляет читателя верить в изображаемых ею детей и переживать вместе с ними их подвиги.

Жаль, что дети послевоенной эпохи, их поступки и чувства еще не нашли отражения в сборнике Оксаны Иваненко.

Расширяя диапазон своих литературных возможностей, Оксана Иваненко в последние время — нежиданно для своих прежних читателей — стала выступать и как писатель-историк.

В историческом жанре относится ее повесть о детях-ремесленниках старого времени, рисующая эксплуатацию подростков революционной эпохи, а также историческая повесть «Печатня невиданных книг» — о первопечатнике Иване Федорове.

Это завоевание новой области творчества грозило Оксане Иваненко большими опасностями, хотя бы уже потому, что здесь меньше возможностей применения наиболее действенного оружия ее дарования — мягкого украинского юмора.

Читая эту повесть, с особой ясностью чувствуешь, что пора ученичества для Оксаны Иваненко уже позади. Тема повести серьезная, грустная, лишняя внешних эффектов, так что писательнице и здесь пришлось идти по линии наибольшего сопротивления. Действие происходит то в Москве, то в Любече, то во Львове, то в Вильно. Действующих лиц не сочтешь: тут и Иван Грозный, и Максим Грек, и латские послы, и немедвец рыцари. Но трудности не испугали писательницу: уверенной рукой повела она повествование к единственному, четко поставленному цели — прославить патристический подвиг русского борца за просвещение, который, наперекор всем протоякам и козням иноземных врагов, самостоятельно, ни у кого не учась, создал сперва в Москве, потом на Украине первые печатные книги.

Еще в одном трудном жанре попыталась О. Иваненко свои силы: в беллетристической биографии. Ее книга «Тарасовы шляхи» — повесть о жизни Шевченко, — к сожалению, не доведена до конца: самое важное осталось еще не написанным. Это, так сказать, прелюдия Шевченко — о «Гайдамаках», о «Сна» и «Кавказа», о Гирляло-Медовского общества, до солдатчины, до сближения с Чернышевским и Добролюбовым. Автору предстоит дописать эту книгу.

Скажем: как бы ни были разнообразны и многочисленны жанры, в которых работает Оксана Иваненко, в каждом жанре она проявляет себя зрелым художником.

Правда, мастерство ее не всегда безупречно. Порою в ее рассказе встречается являе псевдоисторичность; порою, как, например, в рассказе «Что случилось в саду», исторические места и сентиментальные сентенции автора вытесняют живо образ ребенка.

На первых порах, лет 15 назад, литературное развитие О. Иваненко, по мнению, было и меланхолично. Но благоприятные силы нашей жизни помогли ей вскрыть максимум возможностей, заложенных в ее дарования, окрылить его идейностью, вручить и вкусу.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 73 21 июня 1951 г.

Народы требуют Пакта Мира!

НА СУДОВЕРФИ БЛИТВУД

АНГИИЯ. Когда проезжает по реке Блайд мимо судоверфи Блитвуд, еще издали можно заметить лозунг: «Подписывайтесь Обращение о заключении Пакта Мира между пятью великими державами!» Это надписи сделали рабочие верфи на корме судна, которое стоит на стапелях высоко над водой и хорошо видно со всех кораблей, проходящих вверх и вниз по реке. Семьдесят процентов всех работающих на верфи уже скрепили своими подписями Обращение Всемирного Совета Мира.

Дружно подписываются трудящиеся Великобритании под требованием о заключении Пакта Мира. Каждый день в адрес Национального комитета защиты мира поступают сотни и тысячи бланков с подписями простых людей.

Более тысячи ста подписей пришло от шахтеров Трехерберта и Доккастера. На многих бланках — пятнадцать шаров в Западной Германии.

Снимок из чехословацкой газеты «Руде право»

Местные комитеты защиты мира берут на себя новые обязательства. Так, сторонники мира в Поркшпире, собрав 9 июня — дню открытия в Лондоне Общественной конференции сторонников мира — 25 тысяч подписей под Обращением Всемирного Совета Мира, решили, что к 25 июня — годовщине начала войны в Корею — это число должно быть удвоено.

«Меня поражает необычайная готовность ребят подписываться под Обращением», — рассказывает машинист Дэвид Росс, продающий сбор подписей среди коллегаров и машинистов железнодорожного депо в Гейтсхеле, близ Ньюкасла, — я предложил подписаться 199 лицам, 184 из них согласились. Некоторые рабочие не только сами подписали Обращение, но и взяли у меня бланки для сбора подписей».

10 ТЫСЯЧ КОМИТЕТОВ МИРА

ЯПОНИЯ. Исполком Японского комитета защиты мира принял решение провести с 25 июня по 7 августа «Месяц мира», во время которого будет развернута активная кампания по сбору подписей под Обращением Всемирного Совета Мира, проведенные праздники мира, митинги, выставки, лекции и т. д. Принято также решение организовать 10 тысяч местных комитетов защиты мира на предприятиях и в школах.

На 15 августа намечается созыв Японского конгресса защиты мира, к этому дню под требованием о заключении Пакта Мира между пятью великими державами предполагается собрать не менее десяти миллионов подписей.

САМОЕ СПРАВЕДЛИВОЕ ДЕЛО

ЛИВАН. Только за три недели борцы против новой войны собрали свыше 40 тысяч подписей под Обращением Всемирного Совета Мира. Ливанский народ знает, что, подписываясь на заключение о защите жизни сына, племянника, брата, друга, подписывается под требованием о заключении Пакта Мира между пятью великими державами, он тем самым укрепляет демократическую политику мира и разрушает империалистические планы поджигателей войны.

Эту мысль очень хорошо выразил шейх Али Халифа из деревни Кааиле аль-Джизр (Южный Ливан). Поставив свою подпись под Обращением, он заявил: «Раз в мире что-либо было справедливое, чем заключение этого Пакта, который отражает чувства миллионов людей во всем мире? Мы должны поддержать мир и противостоять тем, кто стремится к уничтожению человечества и к вовлечению народов в огонь войны».

Снимок из румынской газеты «Вина синдикала»

Румыния. Жители Вухареста Дора Фрилинг, во имя заключения о защите жизни сына, племянника, брата, друга, подписывается под требованием о заключении Пакта Мира между пятью великими державами, он тем самым укрепляет демократическую политику мира и разрушает империалистические планы поджигателей войны.

ГОЛОС РАБОЧИХ СТАЛЕЛИТЕЙНЫХ ЗАВОДОВ

США. По всей стране продолжается подготовка к народному конгрессу в защиту мира, который будет проходить в Чикаго с 29 июня по 1 июля. В ходе подготовки конгресса предполагается провести свыше тысячи митингов.

Рабочие сталелитейных заводов, принадлежащих «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», и завода компании «Рипаблиц стил» в Чикаго приняли участие в опросе, проведенном организацией «Поход американцев за мир».

На вопрос: «Стоите ли вы за немедленное прекращение огня в Корею и отвод наших войск домой?» — 92 процента рабочих дали положительный ответ. 84 процента всех рабочих поддержали предложение о созыве совещания представителей пяти великих держав для разрешения разногласий, которые угрожают миру во всем мире».

Де Голль — оруженосец Уолл-стрита

Жан КАТАЛА

Семнадцатого июня 1940 года агент «Интеллидженс сервис» Спирс привел в Черчиллю бывшего заместителя министра обороны Франции в чине бригадного генерала — Шарля де Голля.

В глазах Черчилля де Голль был прежде всего посланцем «200 семейств» французской буржуазии, который незадолго до того был уполномочен вести с английским премьером переговоры о «франко-английском слиянии» (план превращения Франции в колонию его величества короля Британии).

Близка де Голлю, вместе с ним мечтавшая выслужиться перед британским империализмом, состояла из матерых дельцов, представителей финансовой и военной верхушки Франции.

Магнат французского капитала с беспримерным цинизмом отдал страну во власть гитлеровских оккупантов и раболовню сотрудничал с ними. Но, решили они, неплохо иметь на всякий случай «своих людей» и в Лондоне. Эта возня, однако, пришла не по вкусу господам с Уолл-стрита. Они с радостью приветствовали поражение Франции в надежде, что Гитлеру не удастся сожрать ее всю без остатка. И они уже прикидывали, как бы вернуть захваченные в свои лапы французские капиталы. Наличие в Лондоне дегголевской банды под покровительством Черчилля шло вразрез с этими проектами.

На первых порах американцы заигрывали с Петаном, потом попытались создать «собственную» французскую группировку, конкурирующую с дегголевской...

По то время они старались приручить де Голля и его клику. Среди так называемых «первых сподвижников», прикинувших к де Голлю, был некий Рене Палеви, лондонский представитель «американского телеграфного агентства Морган».

Вскоре к нему присоединился один из петановских «хозяйственных» деятелей — Эрве Альфонс, человек Жоржа Бонва, также связанный с Морганом. Среди прочих тут был небезызвестный Рене Мейер из банка Ротшильдов, был и Жан Монна, один из столбов фирмы Морган.

Пока в Лондоне и Вашингтоне интриговали, подсылали послушных правителей для будущей свободной Франции, великая Советская страна, проявляя невиданный в истории героизм и самопожертвование, наносила удар за ударом гитлеровской военной машине. Французский народ, окрыленный победами Советской Армии, боролся с оккупантами вопреки категорическому запрету де Голля. («Приказываю не убавлять немец», — заявила де Голль 23 октября 1941 года).

Наконец, Франция была освобождена. Де Голль стал председателем временного правительства. Претендент на пост диктатора не скрывал своего нетерпения. Но де Голль явно потропился — народ заставил его уйти.

Решив во что бы то ни стало навязать свою волю народу, де Голль, равно, как и «200 семейств», прибегли к наиболее верному с их точки зрения средству: они полностью превратились в агитацию американского империализма, который стал теперь главным орудием сил черной реакции во всем мире. Де Голль и его сообщники появились: лондонские покровители ненадежны — надо «переориентироваться» на Вашингтон. Ведь сама Англия, потрепанная и ослабленная войной, стала быстро превращаться в американского вассала.

12 марта 1947 года Трумэн выступил со своей пресловутой «доктриной». А ровно через месяц де Голль вновь вынырнул на поверхность. Он объявил себя главой новой партии, которую беспеременно окрестили «Объединение французского народа» (по-французски сокращенно — РИФ). Это было первое официальное выступление де Голля в качестве агента Вашингтона. Подготовила планы новой мировой войны, американские монополии сочли своевременным навязать Франции кандидата в фюреры, опирающегося на чисто фашистскую партию. Их выбор окончательно пал на де Голля и его клику.

Так появился на свет кандидат во французские гитлеры, вернее, во французские квазилитеры.

Любая фашистская партия является детищем трестов и банков. Но никогда еще капиталистические короли не выступали с таким обнаженным цинизмом в роли хозяев фашистской клики! В «Национальном совете» дегголевской партии бок о бок с принцессой де Бюльи (текстильная промышленность Севера и банк Люберак) восседает Поль Жюнас — вице-председатель «Люнского кредита», Пьер Лебон — председатель консорциума банков, Леон Ноэль — директор «Земельного кредита». Раймон Буаде — председатель компании универсальных магазинов «Бонмарше». Достойным сподвижником оборотистой принцессы является Ален Волье (его настоящее имя — Жан Ритмон) — главный казначей дегголевской партии; он состоит директором химического треста Волье-Маестра, являющегося филиалом американского химического треста Дюпон де Немура, производящего атомные бомбы, и Общества колониального кредита.

Наконец, сам де Голль является средоточием интересов «200 семейств». Его брат Пьер де Голль помимо банка «Юнион Паризьен» управляет еще «Обществом крупных недвижимых имуществ» на южном побережье Франции. Родственники жены де Голля прочно засели в Комитете химической промышленности. Дочка фашиствующего генерала избрала себе супруга из числа руководителей военного концерна Шнейдера. А конкурирующая со Шнейде-

рами клика де Ванделле представлена в обществе де Голля его невестой. Таким образом, за спиной папаша де Голля стоят все Объединение французской тяжелой промышленности!

РИФ, по утверждению де Голля, означает: «Объединение французского народа». Вернее было бы сказать: «Объединение финансовых тузов Франции». Де Голль и дегголевцы — это штурмовики, которыми командуют французские миллиардеры и миллионеры, сами находящиеся в подчинении у Уолл-стрита; им мало бесстыдной эксплуатации французского народа — они мечтают о новой мировой войне как истинные грандиозные сверхприбыльщики.

Своей военной карьерой де Голль обязан старому приятелю, вожаку кагуларов — Петану; сам генерал погряз по горло в этом фашистском болоте, и неудивительно, что штаб-квартира де Голля в Лондоне прямо-таки кишела кагуларами.

Что касается политической карьеры, то генерала «вывели в люди» британская разведка (в лице сначала — Палевого, затем — Рейно и, наконец, — Спирса).

Подать вожаку РИФ и все его оружие. Это — Гастон Палевикий, интимнейший сотрудник де Голля, видный агент «Интеллидженс сервис», а также осведомитель из охраны панской Польши, откуда он родом, и шик гитлеровской разведки. Это — генерал Бийотт, который в «лон-

донские времена» служил связным между своим патроном и американской разведывательной службой. Это Андре Мальро, руководитель дегголевской пропаганды, агент «Интеллидженс сервис», осведомитель за верховство... Это, конечно, Жак Стюэль — главный шпион де Голля, руководитель дегголевской разведывательной организации пресловутого ВСРА. Связи этой организации с гитлеровской шпионской службой были широко известны. По этой причине в годы второй мировой войны де Голлю не сообщали обобщенные стратегические планы союзников.

Де Голль и его клика питают лютую ненависть к французскому народу, к идеям мира во всем мире, к Советскому Союзу — защитнику народов и дела мира. Генерал, можно сказать, ветеран в стане поджигателей войны. Теперь стало известно, что де Голль и его сподвижники вели энергичную подготовку агрессии против Советского Союза на всем протяжении второй мировой войны — в годы, когда советский народ приносил нечисленные жертвы, чтобы освободить Францию от фашистского неволи. Теперь стало известно, что де Голль — еще и капитулянт гитлеровской Германии — проектировал начать войну против СССР сразу же после победы. Теперь стало известно, что он помогал фашистской Германии, дабы облегчить себе выполнение этого преступного замысла.

В 1947 году, когда американские претенденты на мировое господство составили план вооружения, матерый шпион Буллитт шлал в журнале «Лайф»: «Де Голль — это вторая и последняя линия обороны» против «коммунистического владычества». На языке американских поджигателей войны термин «оборона против коммунистического владычества» означает борьбу против народов, стремящихся к свободе, и подготовку агрессии против СССР и стран народной демократии.

Единственный во внешнем призраком, то, помимо многочисленных налетов на демократические организации, основная деятельность американцев поаюбаюса движуть в дело «вторую и последнюю линию обороны». Принимают этой подрывной работы доказывают, что де Голль усвоил не только лозунги Гитлера, но и его методы действий. Для обмана простачков он, подобно бесповоротному фюреру, любит спекулировать на повинничестве демагогии. Г-н де Голль охотно вывесил флаг «сотрудничества труда и капитала», позаместивавший им из депоративной мастерской покойного итальянского луче и кровавого Франко...

Однако Шарль де Голль не в силах скрыть, что он — иностранный ставленник. Он даже гордится своим положением

закей Америки. В 1948 году он с упоением восхвалял «план Маршалла». В 1949 году он «заранее» приветствовал Атлантический пакт. Он переделал своим истерическим завываниями всех, кто требовал усилить «грязную войну» против Вьетнама. Посылка французского экспедиционного корпуса в Корею преспопонила его восторгом. А когда, по приказу США, реакционные депутаты парламента провели дополнительное ассигнование в двести миллионов франков на вооружения, у де Голля нашлось только одно критическое замечание: «Маловато дали!»

Наконец за океаном решили, видимо, что долгая пора подготовительных махинаций уже миновала — пришло время показать плоды политики маршаллизации Франции, превращения ее в «атлантического» сателлита США... После возвращения президента Бенсана Ориоля из поездки в Америку Национальное собрание приняло новый избирательный закон, расцениваемый на то, чтобы при соизвощении всех партий лагеря реакции обеспечить де Голлю победу. Янки, по всем признакам, решили двинуть в дело «вторую и последнюю линию»...

Даже дата выборов — 17 июня — была выбрана не случайно. Как восторг о том еще 1 мая в очередной речи сам де Голль, на другой день после выборов 17 июня должна была состояться контрреволюционная манифестация в его честь на Елисейских полях. День манифестации как бы случайно (до чего ловко все рассчитано у этих господ!) совпадает с головиной выступления де Голля по лондонскому радио 18 июня 1940 года. Предлагалось, что собрание на Елисейских полях превратится в триумф кандидата в диктатора по поводу победы на выборах. Однако французский народ внес свою поправку к программе торжества, предложившую из-за океана.

Трудящиеся Франции нанесли 17 июня двойной удар по плану де Голля и его хозяев. Миллионы французских, отлав своих голоса за списки Республиканского и антифашистского союза сопротивления, выставленные коммунистической партией первую партию национальных интересов народа, независимости и мира.

В то же время французские избиратели сорвали «триумф» американского кандидата в диктатора. Де Голлю ничего не помогло — ни прямая поддержка из-за океана, ни мошенническая избирательная механика, помещенная на фашистский террор, ни прислужничество партий «третьей силы» во главе с либеральными правыми социальстами, которые не жалуют сил, расчищая путь фашистской диктатуре во Франции, точно так же, как всемирная лет тому назад германские социал-демократы прокладывали дорогу Гитлеру. Дегголевцы, похвалывшиеся в свое время, что на муниципальных выборах 1947 года они получили более трети всех поданных голосов, на этот раз собрали лишь одну пяту.

«Вторая линия обороны» американских агрессоров во Франции не оправдалась возлагавшихся на нее надежды...

Для того, чтобы развязать вторую мировую войну, американским миллиардерам необходимо подавить сопротивление французского народа, отстаивающего дело мира. Поэтому они и хотят отнять Францию во власть диктатора де Голля.

Уолтер Липман заявил об этом с откровенным цинизмом. Вот что он напечатал в «Фигаро» 8 мая: «Жизненные центры (Советского Союза, — Ж. М.) расположены на Урале и в Европейской части России. Серьезное нападение на них ни с Тихого океана, ни из полярных областей невозможно. Следовательно, нападение... возможно только с военно-воздушных баз, находящихся под суверенитетом (!) Англии или Франции».

Господа поджигатели воображают, что им удастся осуществить свои преступные замыслы. А поэтому они все очень хотели то, что они бы с меньшей пронырой называли «суверенитетом» Франции, вручили своему князю — де Голлю.

Почему же им так понадобился де Голль, почему мало им теперь таких старательных, покорных слуг, как Жюль Мор, Ги Молле, Тома, Плевен или Бидо? Потому что поджигатели войны боятся реального народа. Их трюка имеют реальное, весьма реальное основание. Французский народ 17 июня решительно показал, что он не желает превращения своей родины в американскую колонию. Французский народ торжественно заявил, что он никогда, ни под каким предлогом не примет участия в войне против Советского Союза, его спасителя и союзника.

Если империалисты Америки так открыто сейчас делают ставку на де Голля, то происходит это не только потому, что они хотят развязать войну, — они ставят на де Голля еще и потому, что больше им не на что опереться во Франции, это действительно — «последняя линия»...

Осенью прошлого года Морис Тореа сказал: «В 1934 году рабочий класс выступил единым слоточным фронтом и вместе со всеми республиканцами не дал фашизму пролезть во Францию ни в форме итальянского фашизма, насаждаемого Муссолини, ни в гитлеровском облачении. Теперь тот же фронт не пропустит фашизм и в американском муниере».

Сельского мал с трибуны Национального собрания прошлого состава, доживавшего свои последние дни, Жак Дюкло повторил это торжественное предупреждение: «Фашизм не пройдет!»

Нет, не пройдет фашизм! Французский народ сумеет преградить дорогу де Голлю и его клике. Он сумеет оградить свою родину от позора фашистского порабощения.

Иштван ХАЙДУШКА, Редактор газеты «Непхадшерг» На венгеро-югославской границе

Красная ангажированная линия тагетса по карте Венгерской народной республики с запада на юго-восток. Это венгеро-югославская граница. Она идет по холмистой местности, потом через реки Мур и Драва и снова по невысоким холмам. После пересечения с Дунаем граница продолжается по песчаной равнине до Тиссы и далее, на востоке, примыкает к Румынии.

На нашей стороне гордо выпрямившиеся мужчины и женщины строят свое будущее — социализм, на той стороне человек согнулся от рабского труда. Тито продал его империалистам за доллары, как рабочий скот, как пушечное мясо.

Граница двух миров. Не проходит она, чтобы отборные молодчики из гестапо Тито — Ранковича — УДБ не совершали по приказу вашигтонских хозяев, военных провокаторов против нашей страны мирного сознательного труда, не пыталась засылать к нам шпионов и диверсантов.

В прошлом году тытовцы 795 раз нарушили государственную границу Венгерской народной республики, в том числе 769 раз — сухопутную, один раз — воздушную и 25 раз — воздушную. И теперь аэродромы в день то на одном, то на другом участке границы раздается провокационный выстрел, слышатся пьяные крики удовольствия. Гнусными провокациями они стремятся отвлечь внимание венгерских пограничников для того, чтобы в это время на соседнем участке перебросить на венгерскую территорию шпионов и диверсантов.

По на страже святых границ и безопасности нашей родины ныне стоят верные сыны трудового народа, зоркие часовые великого лагеря мира. Враг не пройдет! Ему кажется, что уже близка цель и он под покровом ночи сможет пробраться через границу, как вурд разлетается решительное: «Стой!». Это крик венгерского пограничника, голос всего венгерского народа. Это наша святая земля, и мы не дадим снова вступить на нее тиранам, лизету, рабству. Это отзвук клича святого лагеря мира во главе с великим Советским Союзом, который говорит американско-английским похитителям войны и их нагитам: «Стой!».

На другую ночь после одного из таких случаев тытовцы устроили на границе настоящую артиллерийскую перестрелку. На одном из участков взлетели красная и белая ракеты. Затем, немного в стороне, взвилась синяя ракета. Так продолжалось долго. Но эта игра в разноецветные ракеты не смогла отвлечь внимания пограничников. Совсем на другом участке они заметили, что через венгерскую границу движется три фигуры. Пограничники хотели задержать их, но натолкнулись на огонь делого взвода тытовцев. Под прикрытием этого огня диверсанты пытались бежать на югославскую территорию, чтобы в новом месте повторить попытку пробраться на венгерскую землю. Но на этот раз и огневое прикрытия не спасло диверсантов — все они попали в руки венгерских пограничников.

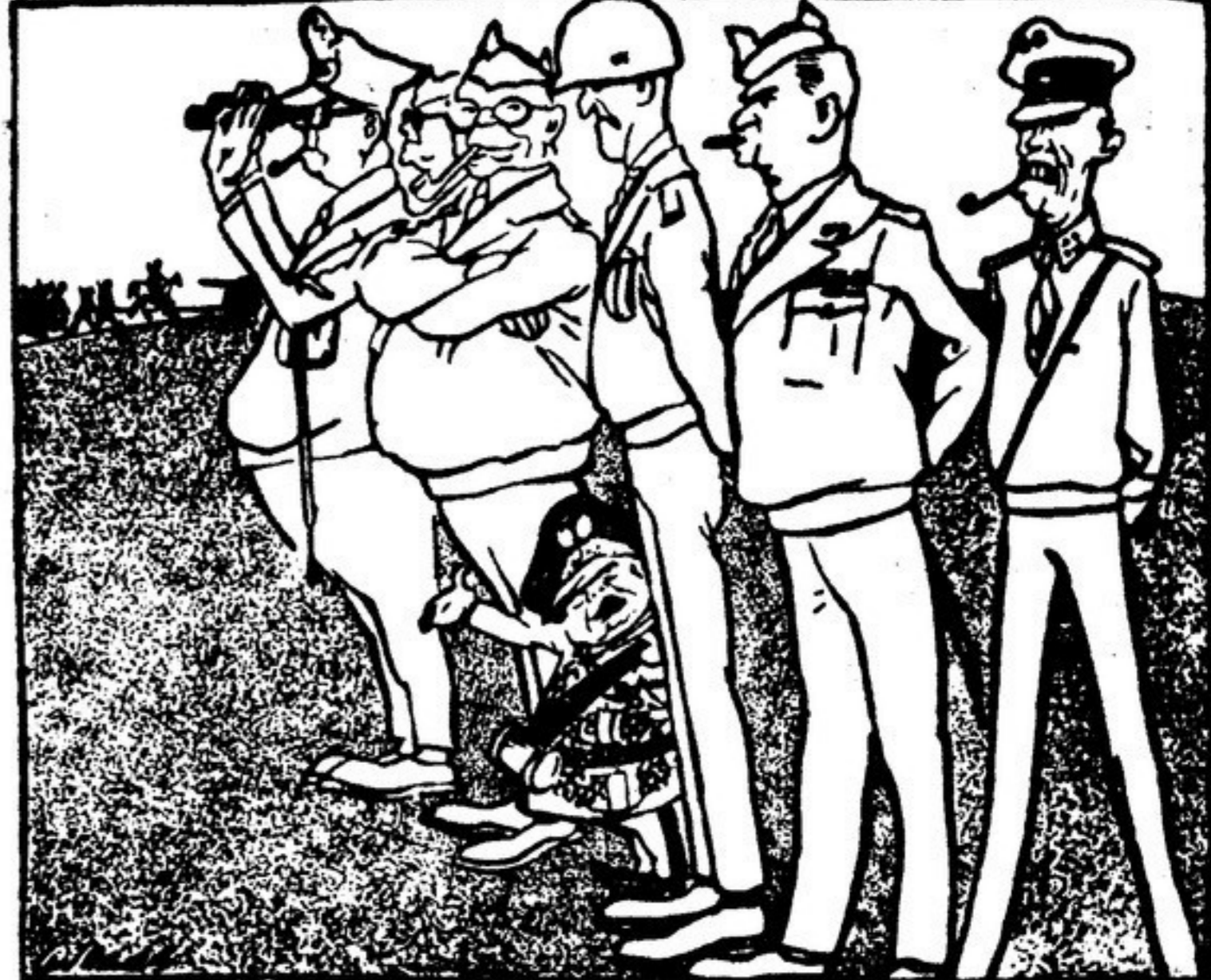
Вот один из таких разрушителей, задержанных нашими пограничниками. На голове у него черная шапка, за спиной — рюкзак, в кармане — американский пистолет. Диверсант клялся, что он всего лишь «новоявленный» контрабандист, которого не интересует политика. Он ходит в Венгрию за товарами и провозит их по высоким ценам в Югославию. Он обещал пограничникам «весь свой месячный заработок», если те отпустят его «для коммерции».

Но подкупить наших пограничников нельзя. Они выявили в «безвредном контрабандисте» опасного диверсанта, который был подготовлен в американской шпионской школе для организации саботажа, взрывов и поджогов во Венгрии. Этот тип признал, что после многократной подготовки он выбрал данный участок границы, считая, что здесь удастся легче перейти на венгерскую территорию.

— Нет на нашей границе слабых мест, — сказал диверсанту пограничник, — и где бы враг ни предпринимал нападение, мы повсюду обрушимся на него железным кулаком.

Все население погранполосы поддерживает защитников рубежей нашей родины от агентов империалистических разведок. Проживающие здесь венгерские, сербские, хорватские, словенские крестьяне так же зорко охраняют свою счастливую жизнь. От внимания населения не уйдут ни один подозрительный сигнал, ни одно подозрительное лицо.

Пастух Мире Ружа пас стадо на берегу Тиссы. Тихиной вдруг нарушил лай собака. Мире Ружа повернулся в ее сторону и

Военные маневры в Югославии под «командованием» Тито и «наблюдением» американских советников. Рисунок Л. Гааса из чехословацкого журнала «Кветль»

увидел, как его Бодри вот-вот вцепится в лодку незнакомец.

«У него может оказаться пистолет», — промелькнуло в голове пастуха при виде постороннего человека в погранполосе. Сделавательно, решил Ружа, надо подойти поближе, на радиус действия собственного оружия — палая.

Ружа, уславившая собаку, подошел ближе к незнакомцу. Тот продолжал с опаской смотреть на Бодри. Пастуху не нужно было вести перекрестный допрос, чтобы подтвердилось его подозрение. Через минуту незнакомец уже неподвижно лежал на земле до прибытия пограничников. Мире Ружа задержал опасного шпиона.

Крестьяне погранполосы особенно хорошо знают, какую участь хотели бы уготовить им хозяева этих шпионов и разбойников. Ведь изо дня в день они своими глазами видят, как страдают люди по ту сторону границы.

Вот Керек Кароине. Она работает на поле около самой границы. Кароине видит, как убывают гонимы мужчины и женщины на принудительный труд. Кровью обильное сердце венгерской крестьянки, когда кака-то мужественная женщина крикнула ей с той стороны:

— Эти злодеи уничтожат нас. Мы не имеем ни куска хлеба. Наши дети превратятся в скелеты!

С той стороны простые люди часто бросают через границу короткие записки на клочках газеты или обертки. Всего лишь несколько слов, но сколько в них отчаяния, сколько страдания! «...Этого нельзя больше терпеть». «Нас заставляют умирать с голоду!»

В прошлом году летом в районе Фельдосентмартона члены производственной операции, работавшие на полях, спасли ребенка, пережившего Драву. Мальчик бежал из Югославии. Его извлекли лишь за то, что он вслух пожелал хотя бы раз попасть в Венгрию и хорошо покушать.

Так живет граница между Венгерской народной республикой, страной социализма, и Югославией, стоящей под пятой банды Тито — одного из наиболее злых саттелитов американско-английского империализма, Тито и его полная клика, американские инструкторы, фашистские офицеры, окончившие гитлеровские школы, радуясь до размеров военного времени армии, вооруженная американцами, получившие на доллары шпионы и способные на все авантюристы — вот созданный империалистами в Югославии механизм, с помощью которого порождается югославский народ, разжигается военная истерия, организуя пограничные провокации. Так империалисты хотят «подготовить почву» для осуществления своих агрессивных планов.

Не выйдут! Границы свободных и миролюбивых стран на прочном замке. Это стена, о которую разобьются все провокации американско-английских похитителей войны и их безграбичных наемников. Наше мужество — в сознании силы и справедливости международного движения за мир, возлагаемого великим Советским Союзом, в планетном патриотизме свободных людей, в пролетарском интернационализме.

А. Д. АГРАНОВСКИЙ

Умер Абрам Давыдович Аграновский, член Союза советских писателей, мастер советского очерка.

А. Д. Аграновский родился в 1896 году, вступил в ряды большевистской партии в 1918 году. Врач по специальности, в годы гражданской войны он служил в полках Гражданской Красной Армии в качестве комиссара. С 1922 года начал печатать фельетоны и очерки в с тех пор целиком отдался литературно-публицистической деятельности. На протяжении многих лет в центральных газетах и журналах печатался его очерки и статьи, посвященные социалистическому переустройству деревни. Они отличались глубоким знанием жизни и большой любовью к советской Родине.

А. Д. Аграновский был активным редактором, умевшим оперативно откликаться на боевые темы дня. Он умер на посту советского журналиста — во время поездки в уральский колхоз.

Память об А. Д. Аграновском сохраняется в наших сердцах.

А. Сурков, А. Софронов, Г. Владимиров, А. Чаковский, Н. Богданов, Б. Горбатов, Б. Полевой, Б. Агатов, Д. Зaslavский, Б. Галин, И. Рабов, И. Ирошиников, Р. Бершадский, М. Златогоров, В. Васильевский, А. Колосов, Л. Кудреватых, Е. Дорош, В. Полторацкий, А. Безмятежский, Е. Кригер, М. Светлов, Г. Миркин, Е. Броняцкий, А. Бек, С. Смирнов, Е. Герасимов, И. Горелик, И. Осипов, Г. Корольков, Б. Бурков, М. Марина, Я. Фоменко.

Редакция журнала «Огонек» с глубоким прискорбием извещает о смерти одного из активных сотрудников журнала, очеркиста

Абрама Давыдовича АГРАНОВСКОГО и выражает соболезнование семье покойного.

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционные коллеги: Б. АГАНОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОСТАЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).